12+

РИНА ГРИН

Бородач. Спираль жизни

Рина Грин

Бородач. Спираль жизни

«Издательские решения»

Грин Р.

Бородач. Спираль жизни / Р. Грин — «Издательские решения»,

Бородач давно разучился чувствовать. Его жизнь — без прошлого. Всё меняется, когда таинственный почтальон стучится в его дверь. Тайна рода, пробуждающийся дар и Спираль Жизни ждут своего хозяина.Чтобы стать Хранителем, ему предстоит пройти через лабиринты души.Философская притча о том, как найти свет внутри, когда мир погружается во тьму. О том, что Страх нельзя уничтожить — его можно только приручить.

© Грин Р.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ 6
Глава первая. Не первая встреча 9
Глава вторая. Голос из тишины 12
Глава третья. Живая мечта 15
Глава четвертая. Зеркало души 18
Глава пятая. Испепеленная страхом 21
Глава шестая. Шаг в неизвестность 23
Глава седьмая. Истинное лицо 25
Глава восьмая. Спираль жизни 27
Глава девятая. Хранитель 29
Глава десятая. В гостях у Разума 32
Глава одиннадцатая. Исповедь Труса 36
Глава двенадцатая. По ту сторону света 39
Глава тринадцатая. От лукавого 44
Глава четырнадцатая. Демон внутри 49
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Бородач. Спираль жизни

Рина Грин

© Рина Грин, 2026

ISBN 978-5-0071-5100-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

И снится сон, и в думах он,
Расчет неверен был, наверно.
Надел он сказочный камзол,
И двинулся вперед по нервам.
Событий яркий горизонт,
Как свет, скользнет через окошко,
И долгий путь борьбы со злом
Тянется сказ, как та дорожка.
Понурый, мрачный Почтальон
В дверь деревянную стучится.
«Пролог отложим на потом,
Здесь твердь земная только снится».
В стране чужой — кромешный бой,
Героев наших поджидает
И птицы песнь во мгле ночной
Красиво сказ о том слагает…

Великое солнце поднялось из-за гор. Он услышал тихую речь за дверью. Поглаживая свою коротко стриженную бороду, молодой человек устремил взгляд в замочную скважину.

— Отказаться!? Просто немыслимо! — прошипел Почтальон, стоявший по ту сторону, но, обретя спокойствие, произнес тише: — Твой неразумный сосед отказался, и я пришел к тебе. Открывай!

Никто так и не открыл дверь заплутавшему Почтальону. Он развернулся и, казалось, поплыл сквозь зеленый сад, хотя на мгновение показалось, что он так и остался стоять неподвижно.

Вдруг зазвенели бубенчики с неистовой силой. Дверь распахнулась от этого кричащего звона, и Бородач, не успев испугаться, отлетел в сторону.

Уже лежа на полу, он все еще слышал звук удаляющихся шагов, тающих вдали, и всё это казалось иллюзией. Но, лишь открыв глаза, он ощутил на себе тот самый понурый, тяжелый взгляд, и его пронзило ни с чем не сравнимое чувство.

— Почему ты остриг бороду? — спросил Почтальон, но ответа так и не последовало.

Гость почувствовал опустошение внутри, словно в этот момент осознал, что потерял что-то очень важное и невосполнимое за эти годы. Это чувство создало внутри него темный оазис.

«Траектория полета была очень крутой», — подумал Бородач, потирая здоровенную шишку на голове и смахивая с себя оцепенение.

Ничего не произошло, видение не исчезало. Перед ним все так же стоял неизвестный субъект: не то человек, не то дух. С минуту они смотрели друг на друга.

Историй мрачных ночь пришла,
Припомнишь все ты непременно.
Сей кроткий луч в ночи зажгла,
Стучусь я в дверь твою, все верно,
В забвении темном много лет
Я пребывал, себя прощая,
Но вспомнить данный мной обет,

Напомнила луна большая.

— Кто ты!? — воскликнул Бородач.

— Я — вестник, — ответил голос.

— Что нужно тебе от меня? — искаженный болью шепот вырвался у хозяина дома, когда он немного опомнился.

— Ты действительно ничего не помнишь? — шелестел Почтальон ему на ухо.

В воздухе повисло молчание, прежде чем гость снова заговорил:

— Что ж, придется рассказать тебе историю твоего рода. — Он снова склонился над ухом Бородача, будто боялся, что их разговор услышит кто-то третий, незримый для глаз. — Я знаю про тебя всё, а ты *забыл*.

Так начал свой рассказ неизвестный гость, устремив взгляд в вечность.

— Твой род был очень сильным, обладал властью и магической силой. Это род творцов и магов. Всю жизнь твои предки отращивали бороды: в них была заключена их сила, память и защита. Чем длиннее была борода, тем могущественнее был маг. Они защищали мир от сил зла. Их целью было сохранение жизненной энергии на Земле, и они прекрасно выполняли свою миссию. Мир был наполнен счастьем и любовью. — Тут его голос дрогнул.

Бородач лежал на полу. Его язык не слушался, холод в груди сковывал его настолько, что вдохнуть было невозможно. Нестерпимо хотелось бежать, но тело словно приросло к месту. Разум привычно натянул спасительную пелену: «Сон. Просто тяжёлый сон. Устал, вот и мерещится». Он сжал пальцы, впиваясь ногтями в ладони, пытаясь вернуть себе контроль. Если он не откроет глаза, всё исчезнет, как всегда. Сердце неистово колотилось, веры в слова странного гостя не было. Все происходящее казалось нереальным — и это было хорошо.

«Наверное, это просто наваждение», — подумал он. Но смутное предчувствие подсказывало: это начало чего-то совершенно особенного. Начало нового пути, который приведет его к вершине собственного мира, о котором он пока еще ничего не знал.

«Как такое возможно?» — этот вопрос не давал ему покоя. Ведь его жизнь была столь проста. Все как у всех. Хотя… родителей у Бородача не было. Он точно не помнил, где родился. Его воспитанием занимались многочисленные тетушки, каждые три года он попадал в новую семью. Абсурд, конечно, но с кем не бывает.

Мысли роились в голове, как демоны, выискивая подтверждение слов странного гостя.

Раздумья рассеялись от грозного рыка. Тень раздраженно поползла по стене, будто отделяясь от своего обладателя.

— У нас мало времени, — прошептал голос. — Но пока твоя борода не достигнет нужной длины, и ты не восстановишь утраченное, ты ничего не поймешь.

Понять действительно было сложно, но неизвестность манила. Волшебство окутывало белой дымкой. Почтальон всё шептал ему на ухо какие-то странные, невнятные слова, но душа жадно впитывала каждое из них.

«Осуществимо ли то, что возлагают на мои плечи?» — думал Бородач.

Панике не было места. Было понятно одно: каким-то образом он должен повлиять на ход событий. От него зависела жизнь и мир на этой земле.

Слова кружились в воздухе. Хоть часть из них Бородач не понимал, они, как острые стрелы, пронзали его тело. Казалось, это уже был не он, а кто-то совершенно другой. Шепот гостя на неизвестном языке был ему абсолютно точно знаком. По венам бежал ток, собирая букет воспоминаний, которых он пока не знал, но уже чувствовал.

Когда речь стихла, Почтальон поднялся. Его глаза смотрели будто в вечность. Он направился к двери, но на пороге обернулся и промолвил:

— Посмотри на себя в зеркало. Правда откроется тебе. Найди истинное зеркало — то, что покажет суть!

Не успел Бородач рта открыть, как тень стала туманом, растворившимся в свете луны. Вроде бы все вокруг осталось таким, как было раньше, но мысль мелькнула в голове: ничего уже не изменить. И словно где-то внутри погасла лампочка смущенного сознания, восполняя сном потерянную энергию.

Глава первая. Не первая встреча

Искаженный трепетный мотив
Старинным звуком показался тут же.
В словах его — всей жизни объектив,
Тугим ремнем повязанный снаружи.
Ошибок больше не простит судьба,
Проснулся тот от сказочной дремоты.
Теперь пойдет о нем молва,
Искать мучителя — его забота.

***

— Обзаведись друзьями! Обзаведись друзьями! — говорили ему в детстве.

«Зачем они мне нужны?» — думал седоволосый мальчик.

Да, у него с самого детства были седые волосы, отчего его так и прозвали — Седой. Он слышал шепот окружающих: этот цвет считался знаком особого дара, который проявится позже, когда отрастет та самая борода, давшая ему будущее имя — Бородач. Но он был настолько внутренне слаб, что без веры в себя она не спешила расти. Дар спал, борода оставалась короткой и незаметной, а для мира он так и остался просто Седым мальчиком. Имени, казалось, у него и не было — прозвище полностью его заменило. Но это было и не так важно, думал он.

В его жизни, как могло казаться, не было ничего особенного. Но если вдуматься, то на самом деле не было ничего обыденного. Жизнь казалась набором обрывков фраз.

***

Существует множество вариантов написания жизни. Здесь был выбран один. История одинокого юноши, однажды проснувшегося ото сна. Или, возможно, наоборот, уснувшего таким сном, который оказался реальнее яви. Сон пробудил его. А может, это был и не сон вовсе? Ясно было одно: он не знал, куда идти, ехать или плыть, но знал лишь, что путь будет непростым и что в своем деле ему нужно найти подмогу.

***

Бородач очнулся, огляделся по сторонам и почувствовал щемящую боль в центре груди. Нет, это не была физическая травма. То была боль внутренней утраты, которая всегда сопровождала его на рассвете. Он медленно встал, голова закружилась, и тут он окончательно понял: все, что случилось прошлой ночью, — явь.

Он почесал свою короткую бороду, вернулся мыслями к моменту, когда Почтальон говорил ему о его роде, и вышел во двор.

На пороге дома Бородач вспомнил слова странного гостя о том, что сосед испугался и не открыл дверь.

«Еще бы, — подумал он. — Я вот тоже не открыл, однако ему это не помешало. Но раз он туда пошел, значит, это неспроста. Ниточка тянется оттуда, ведь не просто так странный гость наведался и ко мне».

Он стоял в дверях, и старая привычка шептала: «Зайди внутрь. Запри дверь. Забудь. Завтра всё будет как вчера: тихо, безопасно, пусто». Но в груди жгло слово «подмога». Он

не хотел никуда идти, но и не мог это игнорировать. Бородач сжал челюсти. Он боялся. Но впервые за годы страх был не безразличным, он был живым. И это его толкало вперёд.

— Что ж, — выдохнул Бородач. — Была не была!

Трудно ему было налаживать связи, да и не общался он никогда с соседями. Но, видимо, время пришло.

Собой поникнув, в ожидании,
Слова боясь, что не найдет,
На первое свое свидание
Он мелкой поступью идет.
Событий тут дает начало
Ответ немого мудреца.
Вдвоем вы справитесь сначала,
Но не дойдете до конца.
Путь будет для тебя наукой,
И пусть вдали не ровен час,
Слова сказать ты сможешь с мукой —
Знаменьем будет этот сказ.

***

Повернувшись к соседнему дому, Бородач остановился. Дом стоял чуть поодаль, словно отражение его собственного жилища в кривом, но добром зеркале. Те же кирпичные стены, та же чуть покосившаяся крыша, но здесь всё дышало каким-то забытым теплом.

Окна не были затянуты пылью времени, как у него. Из них лился мягкий, янтарный свет, напоминающий о прошлом, когда время ещё не имело значения, а мир казался бесконечным и безопасным. Воздух вокруг дома пах как-то особенно — чем-то сладким и родным. Это было удивительное ощущение, затрагивающее самые глубокие струны души. Бородач почувствовал тоску по счастливому прошлому, которое, казалось, когда-то у него было, но которое он совсем не помнил. Он точно видел этот свет в своих детских снах; это знание возникло в голове мгновенно, хотя Бородач и не мог понять, откуда оно взялось.

Казалось, сам дом ждал его. Не как гостя, а как хозяина, который наконец-то вернулся домой.

Подойдя к двери соседа, он опустился на корточки и прислонился к стене. Сердце колотилось где-то в горле.

«А вдруг меня увидят? — пронеслось в голове. — Всё это выглядит безумно. Что я скажу? Как объясню, что пришёл к человеку, которого не знаю, но который знает меня?»

Бородач вдруг осознал странную вещь: за все годы он ни разу не видел лица своего соседа. Словно тот существовал только на периферии зрения, как тень, как смутный намек. Но сейчас, после визита Почтальона, эта тень обрела плотность.

В этот момент дверь сама приоткрылась. Через щель, в полумраке блеснули широко распахнутые глаза, и острый, почти птичий нос. Бородач отскочил, но пригляделся. Взгляд был до боли знакомым, словно он смотрел в старое, пыльное зеркало.

— Кто ты? — услышал он неуверенный, прерывающийся голос из-за двери.

— Я живу тут, поблизости. Сосед я твой, — ответил Бородач, вглядываясь в темную щель.

Воцарилась тишина. Наконец голос за дверью промолвил:

— Я знал, что ты придешь! Я верил, что мы будем вместе!

«Какой-то абсурд, что за чушь? Я его совсем не знаю, — думал Бородач про себя. — А он говорит со мной так, будто мы полжизни знакомы. Мы же никогда не видели друг друга в лицо!»

Сосед продолжал охать, ахать и восклицать через полузакрытую дверь.

— Ну что ж, дверь-то открой, раз ты меня так ждал. Знакомиться будем, — проворчал Бородач.

— Ох, ах… — пыхтел тот, с трудом открывая неожиданно тяжёлую для него деревянную дверь.

И тут перед Бородачем возник совсем неожиданный образ. Перед ним стоял маленький мальчик с широко посаженными глазами и длинным острым носом.

— Мы точно никогда не встречались! — уверенно произнес Бородач. — Я бы тебя запомнил!

Ответ последовал весьма неожиданный:

— Ты не прав. Мы жили вместе много лет, были неразлучными друзьями. Но ты от меня отрекся, отринул детскую радость, общение с миром, закрыл себя на тысячи замков.

«Чушь какая», — мысленно отрезал Бородач, невольно отступая на шаг. Но тело предало его: сердце рванулось в груди, в горле встал ком, а ноги будто приросли к земле. Разум кричал «нет», цепляясь за привычное оцепенение, а где-то глубоко, под ржавым замком равнодушия, что-то дрогнуло и потянулось навстречу. «Кто он? Почему я его не помню?» — мысли бились о стену, но правда уже просачивалась сквозь щели.

Внутри, в груди, он чувствовал что-то острое, щемящее.

Это чувство пришло после встречи со странным Почтальоном. Будто что-то должно было раскрыться, но время еще не настало.

— Как тебя зовут? — спросил Бородач у мальчугана.

— Я — Проныра, — радостно сообщил тот.

— А меня…, — хотел представиться Бородач, но мальчик его перебил.

— Можешь не представляться, я и так знаю, как тебя зовут, — улыбнулся он. — Седой!

Он выкрикнул это слово и сделал два оборота вокруг своей оси с той радостью, которую может излучать только беззаботный ребенок.

«Седой…» — отозвалось в сердце Бородача эхом детского смеха.

«Неужели это и есть я?!» — мысль в голове остановилась, точно споткнувшись обо что-то, и не могла двигаться дальше. В этот момент будто ветер пронесся мимо, и он почувствовал внутри невероятную силу.

Мальчик продолжал рассказывать о том, как им было хорошо вместе, о том, что Бородач совершенно не мог его не узнать.

— Ведь я и есть ты! Я — твоя стремительная часть, твоя радость и детский смех, твоя ловкость и свобода, — по-детски беспечно и откровенно радовался встрече мальчишка.

Бородач вопросительно взглянул на мальчика: «То есть, постучавшись к тебе, он всё равно пришёл бы ко мне?..»

— Да, да! — воскликнул Проныра, будто прочитав его мысли. — Я — это ты, и теперь мы вместе!

Все это еще предстояло тщательно обдумать, но в том, что эта встреча соединила в душе героя разрозненные кусочки пазла, сомнений не было. Невидимая магическая связь всего происходящего не могла оставить равнодушным даже его, давно уснувшую, словно покрытую пеплом душу.

Глава вторая. Голос из тишины

Познать себя ему не дали боги,
Событий тех немой раздор
Обрезал крылья, но остались ноги,
Пошёл он ими в тёмный коридор.
Тоска над ним всегда маячит,
Обдумал он себе дальнейший путь,
И пусть никто теперь за ним не плачет,
Былого сердца больше не вернуть.
Остыл он резко, как звезда упала,
Вошло в привычку отпускать грехи,
И сердце больше боли не видало,
Он жил всё время, будто вопреки…

***

Получив ответы на вопросы, Бородач медленно побрёл домой. Воздух стал холоднее, пахло листвой и остывающей землёй. Он привычно натянул на лицо маску безразличия — ту самую невидимую броню, что спасала его годами. «Я просто устал, — убеждал он себя, ступая по утоптанной тропе. — Нужно поспать, и всё рассеется, как дым».

Но не дойдя и двух шагов до дома, что-то остановило его, и вдруг внутри головы зазвучал голос, отбивая ритм, как пульс.

Он появился из неоткуда, но было ясно: этот кто-то очень хотел говорить, ибо не слышать его было невозможно.

— Наконец-то ты услышал… — прозвучало внутри, тепло и настойчиво. — Не отворачивайся. Я здесь.

Бородач резко остановился. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки. «Замолчи», — мысленно рявкнул он, вжимая ладони в уши, хотя звук шёл не снаружи, а из самой груди. — Ты не реален. Это бред. Оставь меня в покое! — Он сделал шаг назад, к двери, готовый захлопнуть её перед всем миром, как делал это сотни раз. В груди вспыхнуло знакомое, ледяное равнодушие, пытаясь задавить всё непонятное.

Бородач стоял в замешательстве, не понимая, что с ним происходит.

Но голос не умолк. Он был, как дыхание, как стук собственного сердца, которому нельзя приказать замолчать.

— Не бойся, ты не сумасшедший, а я тебе не враг, — прошептал он. — Я та часть тебя, что не дала тебе исчезнуть, когда ты выбрал не чувствовать. Просто слушай меня. Ты можешь слушать, разговаривать со мной, только не гони. Я тот, кто поможет тебе ещё не раз.

Бородач замер. Руки медленно опустились. Впервые за долгие годы ледяная корка внутри треснула. Закралось совершенно незнакомое чувство: а что, если это не болезнь? Что, если это пробуждение? Он оглянулся на пустой двор. Тишина вдруг стала слишком громкой, звенящей.

— Ты запер его, мальчишку, чтобы выжить, — голос стал тише, почти осязаемым. — Но выживание без чувств — это медленное умирание. Вспомни день, когда решил, что боль лучше не проживать, а просто выкинуть ее изнутри навсегда.

С этими словами грудь сжалась, будто в тисках. В горле встал комок. Бородач вдруг ясно увидел тот момент: себя маленького, стоящего в пустой комнате, решающего больше не ждать, не надеяться, не плакать. Он выбрал безопасность ценой самого себя.

И тут же в памяти всплыли обрывки старого напева, который пели тётки в те редкие вечера, когда он ещё верил в чудо. Тихие, убаюкивающие звуки… но песня оборвалась на полуслове, сменившись ледяным эхом детских слов, сказанных когда-то в отместку миру: «Я не ребёнок».

Эти три слова отрезали его от радости, от света, от Проныры. Их разделили. И казалось, что навсегда.

***

Бородач опустился на ступеньку крыльца. Дышать стало легче, но по щеке скатилась непрошеная, горячая капля. Он грубо стер ее с лица.

— Ладно, — выдохнул он в пустоту. — Если это конец моего одиночества… я слушаю.

Внутренний шёпот смягчился, наполнившись чем-то похожим на облегчение.

— Собирай вещи. Не раздумывай. Возьми только необходимое.

— Куда идти? — спросил Бородач, чувствуя, как внутри начинает разворачиваться давно забытая пружина.

— Тишина укажет путь, — ответил голос, становясь прозрачнее. — А когда придёт время — ты увидишь опору.

Он растворился, оставив после себя странное, светлое эхо.

Понуро, но уже без прежней тяжести, Бородач пошёл в дом. Собрал нехитрый скарб: простую одежду, две фляги с водой, краюху хлеба. Вышел во двор, где уже сгущались сумерки, и сел на крыльцо. Ветер шелестел сухой травой, пахло дымом и вечерней прохладой.

«И где же мне искать ту самую опору?» — думал он, глядя на темнеющий сад.

День клонился к закату, а он всё сидел на месте, погружаясь в свои мысли. «Напридумывал невесть чего… Надо спать. Завтра всё улетучится».

Что же все-таки со мной происходит? Если все это нежелательный сон, продолжающий мучить меня, как его толковать? У нас в роду сны толковали, по крайней мере так рассказывали тётки, но меня этому не учили. Ладно, — подумал Бородач. — Всё равно, кроме голоса и этого мальчишки у меня никого нет, и занятий-то дельных тоже. Может, стоит рискнуть.

Эта действительно интересная мысль увлекла его. Он задумался о том, куда этот голос его приведёт.

И тут голос вернулся, тихий, но чёткий:

— Ты ничего не забыл?

— Да что я могу забыть? Мне и брать-то нечего… — и вдруг в голове зажглась мысль, яркая, как спичка.

— Подмогу найди.

Он вспомнил слова Почтальона. Вспомнил мальчика из соседнего дома. Того, кого он избегал годами.

— Взяв его, ты восполнишь себя, — прозвучало внутри.

Бородач кивнул, хотя вокруг не было никого, и побрёл к соседнему дому.

Не успел он подойти, как дверь скрипнула и распахнулась. В сад выскочил мальчишка.

Он был обычным сорванцем, но от него веяло чем-то до боли родным. Смех звенел, как тонкая струна, и Бородач почувствовал, как внутри отзывается забытая нота. Улыбка от уха до уха, узелок на верёвке, короткие штаны, растянутая майка… Он излучал свет.

«Как сказочный герой, которому нет места в моём мире, — подумал Бородач. — Вот бы и мне немного этого света».

Но тут же внутри шевельнулась старая рана. Мальчишка смотрел на него с такой надеждой, что Бородачу стало трудно дышать. Он вспомнил, как сам когда-то отвернулся от этого взгляда. Как закрыл дверь.

— Я ждал тебя, — тихо сказал мальчишка, делая шаг навстречу. В его голосе дрожала не только радость, но и страх снова быть отвергнутым.

Они стояли некоторое время молча, будто обмениваясь мыслями. В голове у Бородача шумело, но теперь это был не хаос, а поток прошлого, ворвавшегося в его настоящее.

«Понятно, почему он так рад мне. Он столько лет был один. Как и я», — подумал Бородач, и в груди заныло чувство жалости к ним обоим.

— Так, мне пора идти, — сказал он, чуть помедлив. — Я могу взять тебя с собой. Если ты…

Он не договорил. Мальчишка просто кивнул, и в его глазах вспыхнула такая чистая, безусловная радость, что все сомнения Бородача испарились.

Они отправились в путь, не произнося больше ни слова. Две тени — одна высокая, понурая, другая маленькая, светлая — слились в единую фигуру, шагающую навстречу темнеющему горизонту.

Глава третья. Живая мечта

— Карета подана! — Услышанное было весьма туманно. Голос в голове не унимался. — Быстрее, быстрее, время не ждёт!

«Нужно остыть, — мелькнуло в сознании. — Всё слишком быстро». Но покоя не было. События неслись вперёд, как горная река.

Бородача мучили вопросы: куда ехать? Зачем? Но слова Почтальона о роде, о бороде, всё ещё отзывались в груди тугим гулом, словно струны старой виолончели.

Размышляя о случившемся, он очень хотел раскрыть тайну своей бороды, которая всё ещё была длиной с иголку, но внутреннее чутьё подсказывало: путь не будет простым. Те незримые нити, которые связывают его сейчас и не дают выйти на поверхность прошлому, скоро лопнут, не выдержав натяжения его будущих испытаний.

Пройдя сквозь сад, где ветви цеплялись за рукава, будто не желая отпускать, Бородач остановился. Перед ним, в низине, лежало нечто странное. Предмет, поросший мхом, старый, похожий больше на чемодан, чем на экипаж или карету.

— Сесть в него… уже приключение, — пробормотал он.

Проныра, шедший всё это время то впереди, то позади, вдруг выпрыгнул вперёд. Он начал скакать вокруг этого непонятного предмета, смеясь, но в его смехе Бородач уловил ноту нетерпения.

— И что дальше? Что мне с этим делать? — спросил Бородач.

Внутренний голос затих. Пространство наполнилось густым, почти осязаемым молчанием.

Чемодан был действительно очень необычным. Толстая коричневая кожа с золотыми прожилками напоминала кору древнего дерева. Прожилки переливались, медленно меняя оттенок. От этой красоты нельзя было оторвать взгляд. Резные уголки и планки казались работой ювелира: настолько идеально они вплетались в кожу, словно были выращены, а не выточены. Сине-зелёный мох лёгким бархатом покрывал края, будто обнял невиданный предмет и старался укрыть его от чуждых глаз.

— Что же ты молчишь? — прошептал Бородач. — Мне нужна подсказка.

Проныра подошёл вплотную, положил ладонь на крышку и посмотрел на Бородача снизу вверх.

— Ответы в тебе.

Голос внутри проснулся снова, но теперь он звучал иначе.

— Обойди вокруг него, — прозвучало едва слышно. — Посмотри не глазами. Вспомни.

Бородач сделал шаг. Потом ещё. Земля под ногами была мягкой.

— Слова произнеси нужные, — шепнул голос.

— Какие слова?

— Те, что ты когда-то знал. Но забыл, когда решил, что чудес не бывает.

Бородач замер. Вся ситуация выводила его из равновесия. Раздражение подступало к горлу.

— Что за шутки?! — вырвалось у него.

— Осмотрись. Что ты видишь?

— Сад. Траву. Старый чемодан.

— А как вырос этот сад?

— Кто-то посадил. Поливал. Ждал.

— Ты прав. А что это значит?

— Не знаю! Что за каламбур! — выпалил Бородач, чувствуя, как внутри закипает бессилие.

— Это не игра слов, — голос стал тёплым, обволакивающим. — Это состояние. Вспомни, как ты все время ждал, что родители придут за тобой, ты ждал рассвета в своей тёмной комнате. Ты не видел солнца. Но знал: оно придёт. Не разумом. Плотью. Вспомни, как в самые страшные моменты верил, что тётка вернётся. Как верил, что боль пройдёт. Это знание уже есть в тебе. Просто разреши ему выйти.

— Все это ни к чему не привело, они не пришли за мной, — с болью, стиснув зубы, прошептал он.

Бородач резко повернулся к Проныре. Мальчишка смотрел на него широко раскрытыми глазами, в которых не было насмешки. Только чистое, детское ожидание.

— Помоги мне, — тихо попросил Бородач. — Раз ты моя часть… Я должен поверить. Не головой. А здесь. — Он прижал ладонь к груди.

Вера была ему незнакома. «Не чувствовать веру — это ничего, — думал он раньше. — Что в ней такого?» Но сейчас без неё он был как корабль без паруса.

Проныра улыбнулся. Вложил свою маленькую ладошку в большую, твердую руку Бородача. Кожа мальчика была тёплой.

— Закрой глаза, — прошептал он. — Почувствуй, как стучит сердце. И скажи: «Я верю, что всё возможно».

Бородач закрыл глаза. Темнота. Шум в ушах. Потом — стук. Тук-тук. Тук-тук. Он подстроил дыхание под этот ритм. Губы дрогнули.

— Я верю… что всё возможно.

Слова не просто прозвучали. Они будто долетели до самой далёкой от него звезды и вернулись откликом, заставляя улыбнуться.

В груди развернулся тёплый, яркий узел. Тело отозвалось дрожью, но не от страха, от предвкушения. Вокруг будто на мгновение вспыхнул золотистый свет, прежде чем всё снова погрузилось в сумерки.

Чемодан не просто рос. Он просыпался. Кожа под пальцами Бородача стала горячей, пульсирующей, словно живое существо. Золотые прожилки дрогнули, поползли, сплетаясь в узоры, похожие на спирали. Мох расправился, наполняя пространство вокруг влажным ароматом леса и прелой листвы. Земля под ногами завибрировала. С обеих сторон с глухим скрипом и звоном металла начали подниматься и расти колёса. Деревянные спицы складывались, как крылья птицы, бронзовые ободья наливались тяжестью. Сам корпус набух, заскрипел, расправляя бока.

— Волшебство… — Бородач, распахнув глаза, стоял как вкопанный.

— Как здорово! — воскликнул Проныра, прыгая на месте. — У меня никогда не было такой игрушки!

Бородач смотрел на огромную карету, и вдруг в памяти всплыл рисунок, который он когда-то спрятал под матрас. Неуклюжие линии, карандашная штриховка, мечта о путешествии, которую он сам же и предал. Мысленная нить связала прошлое и настоящее. Он почувствовал себя тем мальчиком, который искренне верил в чудо.

Трансформация завершилась. Четыре массивных колёса, квадратный кузов из дерева и кожи, в котором явно читалась форма старого чемодана. Мох никуда не делся, он мягко обнимал карету, храня её тайну. Впереди, на тонком металлическом шесте, вспыхнул одинокий фонарь. Он горел ровным, тёплым светом, высвечивая тропу, уходящую в туман.

— Моя мечта, — прошептал Бородач. Он остолбенел от собственных слов. Никогда раньше он не позволял себе называть вещи своими именами.

Карета, сад, мальчишка рядом — всё это было столь необычно, что разум сопротивлялся, но сердце уже приняло.

— Это для меня, — понял он. — Путь для меня.

Это было первым открытием. Оно показало связь времён: прошлого, что ждало в тени, будущего, что маячило в свете фонаря, и того, кто позвал его в дорогу.

Как бы ни казалась карета старым чемоданом, она стала для него тем самым кусочком пазла, что закрыл маленькую, но глубокую прореху в израненной душе.

Скоро перед ними стояло настоящее чудо на колёсах, готовое унести их в новые события, где продолжится повествование этого удивительного рассказа, как и путь героя, только ступившего на свою дорогу исканий и приключений.

Глава четвертая. Зеркало души

Как только дверь чемодана захлопнулась, колеса начали вращаться. Звуки, которые издавал механизм, мало походили на скрип повозки или гул мотора. Это было ритмичное тиканье, словно гигантские часы отсчитывали шаги судьбы, то ускоряясь, то замедляясь, подобно деревянным трещоткам.

В передней стенке чемодана появилось небольшое окно. Сквозь него Бородач видел меняющуюся картинку, но реальность искажалась. Ему казалось, что это не карета везет его вперед, а сама ткань времени разматывается назад, возвращая его в прошлое.

— Эти звуки… они влияют на меня иначе, — подумал он и незаметно для себя провалился в мягкую, вязкую дремоту.

Часы натикали полдень. Тиканье стихло. Тишина разбудила его резче, чем любой крик. Бородач потряс головой, пытаясь стряхнуть оцепенение, но мысли уже роились, требуя объяснений.

— Мы приехали? — спросил он, но оглядевшись по сторонам, понял, что внутри только он один.

Открыв дверцу, он шагнул наружу и замер. Его окружал лес немыслимого вида. Деревья здесь росли не так, как в обычном мире. Одни имели искривленные, узловатые стволы, другие сплетались в тугие косы, третьи завивались спиралью, уходя кроной прямо в низкие, тяжелые облака.

Этот лес был пугающе похож на его собственные мысли: хаотичные, запутанные, иногда болезненно переплетенные, иногда уходящие в недосягаемую высь.

— Что это за место? — спросил Бородач, обращаясь к пустоте.

— Совсем не простая остановка, — раздался голос Проныры. Мальчик стоял рядом, а позади него карета, уже снова превратилась в обычный, покрытый мхом чемодан.

— Зачем мы здесь?

— Мы беззащитны, пока ты не вернешь себе силу, — серьезно ответил мальчик. — Твоя борода еще коротка, но мы на пути к преображению. Ты и не заметишь, как станешь другим.

— Я помню тот разговор, — кивнул Бородач. — Но как понять, что она отросла достаточно?

— Ты почувствуешь. Увидишь. А пока нам нужен проводник.

— Проводник? Зачем?!

Только Бородач успел удивиться, как из-за ствола одного из скрученных деревьев показался хвост. Серо-белый, лохматый, он медленно обвил дерево. Животное выходило из своего укрытия ничуть не боясь. Это был не волк и не обычная лиса. Существо смотрело на них глазами, полными древней, тихой грусти.

Проныра сначала шмыгнул носом и попятился, инстинктивно прячась за ногу Бородача. Но, встретившись взглядом со зверем, мальчик замер. Страх в его глазах сменился любопытством, а затем — узнаванием. Он тихо хихикнул и смело шагнул вперед, будто увидел старого друга.

Бородач почувствовал, как внутри что-то сжалось. Это был не страх, а странное, щемящее сочувствие. Чувство, которое он давно запрятал глубоко внутрь, теперь проснулось, словно после долгого сна.

Зверь не боялся. Он смотрел прямо в душу Бородача, и в этом взгляде было столько красноречия, что слова стали не нужны. С минуту они стояли, глядя друг на друга. Затем зверь медленно повернулся и потрусил вглубь леса, время от времени оглядываясь, как будто звал за собой.

— Идем, — тихо сказал Проныра.

Безмолвно понимая, что другого выхода нет, Бородач схватил чемодан и пошел следом за серым хвостом.

Искатель брел меж сосен странных,
А лис показывал дорогу,
Борьба внутри, что ищет равных
Колола сердце понемногу.
Найти особый инструмент
На том пути ему придется,
Ведь в этом мире равных нет
Тому, кто с истиной сольется.
Посмотрит снова в глубину,
Отыщет он свое начало,
Расчешет ветер седину,
Тех давних пор, в которых мало
Осталось памяти его.
Крупицы сможет он собрать,
Былое вспомнить здесь придется,
И болью правды изнывать,
В себя глядеть, как в глубь колодца.
Очистить нужно каждый миг,
Событий тех, что душу гложат,
Лишь после сможет, напрямик,
Принять ту битву, что предложат…

***

Бородач шел, и жажда начинала томить его. Он забыл про фляги с водой, оставшиеся в чемодане, но мысли были настолько глубокими, что физическое отошло на второй план.

«Что я должен найти?» — думал он. «Все происходящее кажется бредом. Но почему я раньше не допускал, что моя „нормальная“ жизнь была лишь фантазией, от которой меня пробудил Почтальон?»

Он шел послушно, не замечая, как лес редеет. Чудные, скрученные деревья расступались. В голове становилось чисто и свежо, будто прогулка навела порядок в океане его мыслей.

Вдруг раздался громкий хлопок, и что-то мелькнуло в стороне. Бородач вздрогнул и остановился. Яркое солнце ослепило его, выйдя из-за крон.

— Что это было? — пробормотал он.

Это было похоже на столкновение двух невидимых масс, которые слились в одно целое. Из тишины послышались шаги. Они вышли на необычную поляну, где не было ни ветра, ни звука птиц. Лис исчез.

Шаги приближались. И вместе с ними приходило странное понимание, словно дежавю. Поступь была знакомой до боли, она врезалась в сознание, напоминая о чем-то утраченном.

Хлопки прекратились. Солнце перестало слепить, словно кто-то приоткрыл завесу перед измученным взглядом.

— Здравствуй! — послышался голос.

Бородач обернулся. Перед ним никого не было.

— Кто со мной говорит?

— Наконец-то ты пришел, — ответил голос. Он звучал знакомо, но Бородач не мог вспомнить, откуда.

— Загляни вглубь себя. Послушай, что там!

Бородач напрягся. Перед глазами была пустота. Но краем зрения он заметил Проныру, который стоял чуть позади и улыбался.

— Ничего себе, — шепнул мальчишка. — Это же Лис говорит.

— Где Лис? Ты тоже слышишь этот голос? — резко спросил Бородач.

— Конечно! — ответил Проныра. — А ты так ничего и не понял, да? Я — это ты. И Лис — это тоже ты. Все, что ты видишь и слышишь здесь, — части тебя самого.

Бородач хотел отмахнуться, возразить, но не смог. Он будто прирос к земле. Его глаза сами нашли фигуру в конце поляны. Там, в мареве воздуха, стоял Лис. Его шерсть переливалась, словно сотканная из тумана и света, а глаза горели тем самым древним, тихим огнём, что Бородач уже видел в лесу.

Едва он посмотрел на него, как пришло озарение. Граница между «я» и «он» стёрлась. Голос звучал не снаружи, а внутри. Шаги, которые он слышал, были биением его собственного сердца.

— Это я говорю с собой, — прошептал Бородач. Слова давались ему с трудом. — Я смотрю в зеркало, и из него на меня смотрит Лис. То есть… я.

Поляна словно разделилась невидимой чертой. На одной стороне стоял Бородач — растерянный, испуганный человек. На другой — Лис, воплощение спокойствия, интуиции и внутренней опоры.

Ощущение было ошеломляющим. Тело будто раздвоилось, находясь одновременно в двух состояниях: слабости и силы. Солнце выжигало кожу, и эта боль была и внешней, и внутренней. Страх неуверенности, чувство никчемности и слабости накрыли его с головой, как внезапная буря. Дыхание перехватило.

Бородач съежился, присел на корточки и закрыл лицо руками. Слезы, стыдные, горячие, потекли сквозь пальцы.

Вместе со слезами он почувствовал странное тепло у подбородка. Короткие, жесткие волоски бороды словно ожили, став мягче и чувствительнее. Каждая капля боли, каждая проживаемая эмоция питала корни его силы, заставляя их тянуться к свету.

— Что со мной происходит? — всхлипнул он. — Зачем я здесь? Как было хорошо, когда я ничего не чувствовал…

Рядом раздался тихий смех Проныры. Не насмешливый, а поддерживающий, светлый.

— Перестань, — мягко сказал мальчик, присаживаясь рядом. — Все хорошо. Слушай себя. Ты нашел еще одного помощника. Разве можно идти дальше без него? Эти чувства, которые сейчас рвут тебя изнутри, — они не враги. Они помогут тебе найти другие, более важные силы для той великой цели, к которой ты идешь.

Бородач поднял заплаканное лицо и устремил взгляд на Лиса. Ощущение зеркала исчезло. Зверь медленно, робко шел к нему навстречу. Бородач чувствовал каждую дрожь в теле Лиса, каждый его страх. Зверь подошел вплотную и тихо ткнулся холодным носом в его дрожащую ладонь. Этот простой жест сказал больше, чем любые слова: «Я здесь. Я с тобой. Ты не один». Бородач выдохнул, и первый настоящий вдох свободы наполнил его грудь. Путь к себе только начинался.

Глава пятая. Испепеленная страхом

Они шли узкой тропой. Теперь их было трое: Бородач, Проныра и серый Лис. И четвертым спутником был старый чемодан, который Бородач нес в руке, чувствуя его странную, но родную тяжесть.

Процесс преображения уже стал необратимым. Каждое мгновение окунало Бородача глубже в детство, в себя настоящего. Чувство долгожданного, хоть и пугающего знакомства с самим собой не покидало его. Но кого или что он должен был встретить в конце этого пути, он не знал. И эта неизвестность холодила кровь.

Верный путь указан тут,
По дороге, шаг за шагом.
Сложный ждет его маршрут,
Становясь судьбы отвагой.
Силу находя внутри,
Он проявит постоянство.
Здесь он только ученик,
В этом — главное богатство.

***

Отойдя некоторое расстояние от поляны, Бородач остановился и задумался о том, что его ждет дальше. Тропа, по которой они шли, казалась заброшенной, но при этом она была вытоптана, как будто по ней только недавно кто-то ходил. Эта иллюзия времени кружила голову.

— Я все иду, — думал он, сжимая ручку чемодана. — Собираю по крупицам прошлое, которое становится моим настоящим. Но куда я должен прийти? Чего мне не хватает?

В этот миг реальность дрогнула. Голова закружилась, и когда зрение прояснилось, перед ними возникли руины.

Это была деревня. Или то, что от нее осталось. Полуразрушенные избы с выбитыми глазами-окнами, покосившиеся заборы, заросшие серым, мертвым мхом. Тишина здесь была не просто отсутствием звука. Она была плотной, давящей, как будто в уши набили ваты.

Проныра сразу притих. Его вечная улыбка исчезла, он робко прижался к ноге Бородача. Лис, шедший чуть позади, вышел вперед, встал напротив хозяина и посмотрел ему прямо в глаза. В этом взгляде не было осуждения. Только глубокая, древняя печаль.

И вдруг в голове Бородача всплыло название, словно кто-то написал его огненными буквами на внутренней стороне век:

«Деревня Седых Духов. Дом Хранителей.»

Это было не новое знание. Это было воспоминание. Он бывал здесь. Во сне? В другой жизни?

Стоило ему только сделать шаг вперед, как он почувствовал резкий холод, который будто сковал границы этого места.

— Посмотри вокруг, — произнес голос внутри. Голос Лиса? Или его собственный? Все смешалось. — Что ты видишь?

— Ничего, — прошептал Бородач. Голос звучал очень громко в этой звенящей тишине. — Пустота. Серое место, покрытое пылью и паутиной, как книги в старом тетушкином шкафу, которые никто не открывал сто лет. Если дотронуться до стены, она рассыплется на глазах и превратится в пыль.

— Это самое важное место для тебя, — голос шептал прямо в ухо, настойчиво и больно. — Здесь жили твои предки. Твой род.

Бледная тень метнулась по стене полуразрушенного дома. Бородач вздрогнул. Ему показалось, что из темного проема окна на него смотрят сотни глаз. Но стоило моргнуть — там была лишь пустота.

— Где они? — спросил он, и страх, липкий и холодный, пополз по спине.

— Их нет, — ответил Лис. И губы зверя не шевельнулись, слова возникли прямо в сознании. — Они исчезли, когда исчезла память о них.

— Все они долго трудились, — продолжал Лис, — чтобы каждый будущий потомок принял их силу, осознал важность продолжения рода и передачи знаний.

Но однажды родился ты, — тот, кто должен был спасти род, но этого не случилось.

Бородач почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Ты отказался от них, — продолжал Лис, и каждый звук отдавался болью в висках. — Ты выбрал не чувствовать, чтобы не болело. Ты закрыл дверь своего сердца. И тем самым ты стер их. Твое равнодушие превратило их историю в пыль. Ты сам испепелил свой дом своим страхом перед жизнью.

Слова текли в подсознании, как ледяная вода. Бородач хотел возразить, закричать, что он не виноват, что это его бросили совсем маленьким, что он выживал… Но внутри все замерло.

Он огляделся. Теперь он видел не просто руины. Он видел себя. Эти серые стены были его защитой. Эта пыль — его забытыми чувствами. Эта тишина — его одиночеством.

— Но кем!? — выдохнул он. — Кто забрал их?!

— Страх, — ответил Лис. — Твой страх быть отвергнутым. Твой страх боли. Он сжег их. Оставив только пепел.

Бородач почувствовал, как внутри нарастает нечто грандиозное. Смесь ужаса, вины и… ярости. Силы. Той самой силы, что дремала в корнях его бороды.

— И что же, никого не осталось!? — воскликнул он, и голос его сорвался на крик, эхом отразившись от мертвых стен. — Мне даже не у кого попросить прощения!?

Он стоял посреди испепеленного прошлого, не зная, куда ступить. Каждый шаг казался предательством.

***

Вдруг маленькая ладошка дернула его за рукав.

— Бородач! — голос Проныры звучал тихо, но пронзительно. Мальчик смотрел на него широко раскрытыми, полными слез глазами. — Не стой. Пожалуйста. Здесь холодно. Здесь страшно. Но мы же вместе? Мы же можем всё исправить?

Проныра очень испугался этой мертвой тишины и звал его обратно, в жизнь.

— Идем, — шепнул мальчик, крепче сжимая его руку. — Давай уйдем отсюда. Там, впереди, есть свет. Я чувствую.

Бородач посмотрел на Проныру, потом на Лиса. Лис кивнул, медленно поворачиваясь обратно к тропе.

Серый горизонт вдали действительно начал светлеть. Но серость, поселившаяся внутри после визита в деревню, осталась. Теперь у него была цель. Не просто узнать тайну Почтальона. А вернуть их. Вернуть род. Вернуть себя.

Он сделал шаг. Потом еще один. Чемодан в руке стал легче. Теперь он знал, ради чего идет дальше.

Глава шестая. Шаг в неизвестность

Его история начнется,
В тот миг, когда он сам найдет,
Свое истрепанное солнце,
Сколотит из познаний плот…

***

— Я так много плутал в своей жизни, а дороги еще не нашел, — эта мысль вдруг взволновала Бородача, возникнув словно из ниоткуда.

Это была не просто мысль. Кто-то давал ему подсказку. Голос в голове разговаривал с ним теперь постоянно. Он появлялся в минуты сомнений, когда ответ был нужнее всего. И удивляло уже не само наличие голоса, а то, что с ним можно было вести диалог. Можно было спросить — и получить ответ.

В потоке размышлений Бородач поднял глаза и замер. Дорога перед ним разделилась. Она распалась на десятки узких тропок, настолько тонких, что напоминали скорее натянутые нити. Казалось, стоит потянуть за одну — и зазвенят невидимые колокольчики.

Внутри возникло трепетное чувство предвкушения. Бородач улыбнулся. Боль и пустота, терзавшие его раньше, отступили, став мягче, терпимее.

— Как интересно, — пронеслось в голове. — Но какую тропинку выбрать? Куда шагнуть? Как не ошибиться?

Вопросы сыпались один за другим, приумножая сомнения. Он встал как вкопанный. Эмоции, ранее незнакомые, нахлынули волной, раздирая душу. Растерянность сменилась паникой, паника — возбуждением, за которым последовали любопытство, сомнение и липкий страх.

— Что это за армия такая!? — подумал он с ужасом. — В детстве у меня был набор солдатиков, и я ими командовал. А эти… эти неуправляемы. Они атакуют со всех сторон!

Как это остановить? Как успокоить этот бесконечный шторм внутри? Он крепко сжал голову руками, пытаясь заглушить шум собственных мыслей.

Бородач обернулся. Сзади стояли его спутники: Проныра, серый Лис и старый чемодан. Его части. Его поддержка. Но в тот момент их присутствие казалось невыносимым. Ему хотелось, чтобы они исчезли, оставили его наедине с этими мучительными метаниями. Минута агонии растянулась в вечность.

И тут им овладела ярость. Не к ним, а к ситуации. К невозможности что-либо выбрать.

Он развернулся, зажмурился, глубоко вдохнул и… просто сделал шаг. Не выбирая тропинку. Не слушая голос. Просто побежал. Наугад.

Оставаться на месте было невыносимо.

***

Он бежал, не разбирая дороги. Пространство вокруг смазалось, ветер свистел в ушах, наступая на пятки. Он бежал, пока легкие не занялись огнем, пока ноги не стали ватными. Выдохшись, он остановился. Глаза были мокрыми, тело дрожало.

Перед ним расстилалось озеро.

Его красота затмевала всё. Огромное, спокойное, оно казалось маленьким среди величия окружающего мира. Долина грез. Бородач выпрямился. Внутри разливалась странная, звенящая свобода.

— Я чист, как его гладь, — подумал он. Дистанция, которую он пробежал в слепой панике, словно вытряхнула из головы лишние мысли, очистила сознание и дала ясности.

— Фух! Ты быстрый, — раздалось позади. Проныра, запыхавшись, догнал его. — Я еле угнался! Это было непросто. Знаешь, я вспомнил, как мы с тобой бегали в детстве… Было весело. Очень весело!

Мальчик улыбнулся, сияя искренней радостью. Бородач посмотрел на него, и гнев, который еще недавно толкнул его вперед, растаял. Он стоял и смотрел вдаль, впитывая каждое мгновение нового состояния.

***

Он подошел к самой кромке воды. Зеркальная поверхность манила, притягивала, как магнит. Она открывала в нем чувства и воспоминания, которые он так долго прятал. Внутри будто поднялся ветер, подхватив опавшие листья прошлого. В полете они превращались в нечто прекрасное — в потерянные чудеса.

Листья падали ему в ладони. Их было так много, что он не мог удержать все. То, что поднималось из глубины души, не умещалось внутри и вырывалось наружу тонкими струйками белого света. Если бы кто-то увидел его со стороны, то показалось бы, что сердце Бородача светится ярче луны.

Воспоминания, возвращаясь, плели вуаль из обид, досады, грусти и радости. И тот шаг, который казался ему необдуманным побегом от ответственности, теперь озарился новым смыслом.

Иногда, чтобы найти путь, нужно перестать выбирать. Нужно просто довериться движению.

Здесь, у кромки волшебного озера, он обретал себя истинного. Всё, что было до этого — страх, равнодушие, бегство — растворилось в воде.

Именно здесь начался его настоящий путь.

Глава седьмая. Истинное лицо

Бородач стоял, погруженный в новые для себя чувства. Вокруг него будто проснулся вихрь. Ураган поднимал в воздух всё, что попадалось на пути: сухие сучья, опавшую листву, пыль веков. Он крутил хаос, менял направление ветра, бросал мир из стороны в сторону. Казалось, само пространство искажалось, и лишь озеро оставалось неизменным островком спокойствия в центре бури.

— Воспоминания… Это всё, что у меня есть, — шептал он, обдумывая то, что постепенно проступало из глубин сознания.

Бородач понимал: его путь здесь только начинается. Его движение к воде было мучительно медленным. Хотя он вкладывал в каждый шаг всю свою волю, казалось, будто он бежит, но на деле — ползет. Нет, это не ураган мешал ему. Просто приблизиться так близко к самому себе дается порой невероятно тяжело.

Над ним выли макушки елей, гнущихся до самой земли. Их яркий изумрудный оттенок создавал ощущение сказки, абсолютного волшебства. Высокие статные деревья, словно живые изумруды, росли из земли, образуя крепостную стену. То ли они защищали это место от чужих глаз, то ли сковывали ту дикую энергию, что бушевала внутри озера.

В сердце колыхалось странное чувство долга. Бородач знал: всё происходящее неминуемо откроет ему новую дорогу. Путь, где он увидит иной мир и поймет иные истины. Долг перед родом был единственным, что волновало его сейчас, хотя он еще не до конца осознавал природу этого чувства. Ему нужно было просто идти. И он шел.

Когда вода уже плескалась у его ног, он всей сущностью ощутил: он дошел туда, куда направлял его Почтальон. Здесь и сейчас прошлое соединится с настоящим, и он обретет то, чего когда-то — может быть, и не по своей воле — лишился.

— Истинное предназначение ждет меня здесь.

Он сделал еще пару шагов и вошел в воду. Холод оказался не ледяным, а живым, пульсирующим. В этот миг он вспомнил о тех, кто был с ним всё это время. Бородач оглянулся.

Сзади никого не было. Ни Лиса, ни Проныры, ни удивительного чемодана. Они растворились в зеленой дымке леса, будто их и не существовало вовсе. Но внутри открылось новое ощущение: чувство воссоединения, теплоты и целостности. Он понял, что принял их, укрыл у себя в душе, и теперь они стали единым целым с ним.

И в этот миг, что я старик,
Я обнаружил многогранно,
Прошел сквозь отчуждения лик,
Вдруг вспомнил, как все было странно.
Я не мудрец и я, не я,
Мне не найти себе начало,
Здесь чувства обняли меня,
И с ними мне теплее стало.
Стою один, покуда нет,
Здесь никого опять со мною,
Исчерпан прошлого ответ,
— Что нужно все всегда с тобою.
И я взглянул на гладь в тиши,
Как в душу заглянул я миру,
И в этот миг, в лесной глуши,
Открылась ясность прозорливо.

***

Взглянув на ровную гладь воды, окружающую его, Бородач увидел свое отражение.

— То самое отражение… То самое зеркало!

Всплыли слова таинственного Почтальона: «Правильное зеркало найди!»

— Я нашел. Я нашел его, — прошептал он.

В сознании проносились образы, словно кадры старого фильма. Только этот фильм был знаком Бородачу. Это была история его жизни.

На него из воды смотрело отражение. Но это был не тот уставший мужчина с короткой щетиной, которого он видел в обычном зеркале каждое утро. Из воды на него глядел маг. Длинная, роскошная борода, которую он никогда ранее такой не видел, была ниже пояса. Она была седой, переливающейся серебром, и имела необычную, вычурную форму. Она закручивалась в тугую спираль, стремящуюся вниз, будто хотела пронзить толщу воды и достать до самого центра Земли.

Он чувствовал её тяжесть. Но это была не ноша, это была тяжесть внутренней силы. Вес знания.

— Это не просто борода, — подумал он, и мысль эта отозвалась вибрацией в груди. — Это проводник. Это моя защита.

— Но от кого мне защищаться? — тут же возник вопрос, порождая сомнения.

Страх скользнул по спине. Он стоял посередине озера, и ужас сковывал его от внезапности происходящего. Тот мир, который показывало ему озеро, был иным. Там он ощущал себя могущественным творцом, источником жизненной энергии. Его борода светилась мягким внутренним светом, а в чертах лица читались мудрость и спокойствие.

Но это было там, в отражении. А что было здесь?

— Как бы я сейчас хотел, чтобы те трое, к которым я так привык, были рядом, — сердце сжалось от тоски.

И тогда в голове проснулся знакомый, тихий голос. Голос, который теперь звучал не как чужой, а как его собственный, самый глубокий внутренний голос.

— Мы здесь. Мы никуда не исчезали. Не забывай: мы с тобой неразделимы. Всё, что ты видишь сейчас, всё, что чувствуешь, — создал ты сам. Сначала ты разрушил эту связь своим забвением. А сейчас ты сам её восстановил. От себя не убежать. И от своей силы тоже.

Эти мысли глубоко отозвались в нем, снимая последнее напряжение. Бородач стоял посреди чудесного озера, которое то ли сковывало его, то ли поддерживало, даруя опору в момент наибольшей уязвимости.

Он очнулся от транса и посмотрел вокруг. Только сейчас он увидел истинную красоту этих мест. Поднятые к небу глаза охватывали всё великолепие природы: игру света на листьях, танец ветра в кронах, неподвижность воды.

И вдруг понимание ударило его, как молния.

— Это место… — выдохнул он. — Это то самое место, где когда-то началась моя жизнь.

Ветер стих. Ели выпрямились, словно стража, отдающая честь. Озеро замерло в идеальной тишине. Бородач провел рукой по подбородку. Щетина была короткой, но под пальцами он чувствовал жар и пульсацию той самой силы, которую видел в отражении. Она была здесь. Внутри.

Глава восьмая. Спираль жизни

В ту минуту, когда Бородач любовался дивной красотой озера и своим отражением в его зеркальной глади, сильный порыв ветра разорвал тишину. Холодный воздух резанул по влажной коже, заставив его вздрогнуть и обернуться.

Там, среди деревьев, в глубине темного леса, стоял конь.

Это был не обычный зверь. Он напоминал монумент, сошедший со старинной гравюры: то ли каменный, то ли отлитый из черного металла. Но самым страшным было не это. На спине гиганта сидел всадник в длинном темном плаще. Бородач узнал его мгновенно. Это был Почтальон.

Ледяная дрожь пробежала по позвоночнику. В лесу стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь тихим свистом ветра да шуршанием сухой травы. В одно мгновение Бородач ощутил, что стоит уже не в воде, а на твердой земле у берега.

Он не хотел идти туда — ему было страшно. Он еще помнил тот металлический голос у самого уха, помнил тяжесть взгляда. Но ноги сами понесли его вперед, словно повинуясь невидимой силе притяжения. Расстояние сокращалось. Лес редел. И вот, когда между ними почти не осталось места, Бородач поднял глаза.

Всадник смотрел на него. Глубоко. Пронзительно. Будто читал каждую строчку его души, зная всё: и слабость, и силу, и страх, и надежду.

— Он знает меня… — пронеслось в голове. — Читает, как открытую книгу.

И прежде чем он успел осознать нелепость своего вопроса, губы сами разжались:

— Кто ты?

Это было глупо. Он знал, что ответ не принесет облегчения. Но ему так хотелось, чтобы кто-то объяснил: почему путь так труден? Зачем он здесь? Зачем этот странный вестник вернулся?

— Я как слепой мечусь туда-сюда, — тихо проговорил Бородач, и голос его дрогнул. — Мне тяжело. Не мучай меня. Скажи, что будет дальше?

Тень в седле слегка шевельнулась.

— Какие глупые вопросы ты задаешь, — произнес Почтальон. Голос звучал не громко, но отчетливо, перекрывая шум ветра. — Ты сам знаешь все ответы. Но есть кое-что, что ты должен услышать от меня. Позже. А пока… едем. Нас ждет долгая дорога.

Прежде чем Бородач успел возразить, мир вокруг смазался. Он не понял, как оказался в седле, позади всадника. Конь рванул с места, и это была не езда. Это был полет.

Ветви хлестали по лицу, ветер выл в ушах. Бородач вцепился в плащ Почтальона, чувствуя, как меняется реальность. Леса сменялись горами, реки — бескрайними степями. Пейзажи мелькали, словно кадры перемотанной пленки. Он не знал, куда они мчатся, но чувство опасности смешивалось с диким предвкушением. Что-то огромное и неизведанное ждало впереди.

Наконец, конь остановился. Путники спустились на землю.

Вокруг клубился густой белый туман. Он мягко укрывал деревья, кустарники и еще зеленую траву, создавая иллюзию изолированного, отрезанного от мира пространства. Бородачу вдруг захотелось, чтобы его укутали чьи-то родные, теплые руки. Внутри болезненно заныло.

— Ну всё, хватит, — резко оборвал его мысли голос Почтальона. — Не останавливайся. Идем. Я знаю, что тебе непросто. Но таков твой путь. Пришло твое время.

***

Бородач пошел следом за фигурой в черном капюшоне, размышляя о своей судьбе. Какая миссия может быть у человека, лишенного детства? У того, чьи чувства были подавлены, растоптаны, кто вырос без родителей, без друзей, в вечном одиночестве? Что приготовила ему судьба теперь?

Но вопросы эти казались уже не такими важными. Внутри росла новая сила, заставляющая идти вперед, не требуя объяснений от того, кто теперь играл в его жизни главную роль.

Вдруг деревья расступились, и перед ними открылась небольшая равнина. Бородач замер.

В центре равнины, прямо из земли, бил вверх столб света. Нет, не свет. Это была спираль. Тонкая, невесомая, сияющая, сотканная из чего-то похожего на эфирное полотно. Она уходила в небесную высь, пронзая голубой свод, и одновременно опускалась в бездонные глубины земли.

Бородач остолбенел. Форма спирали была ему до боли знакома. Точь-в-точь как та борода, которую он видел в отражении озера.

— Подо мной закончилась земля, — подумал он, глядя в бездну под ногами. Спираль уходила в бесконечность.

— Это место связывает миры, — начал Почтальон, и голос его звучал торжественно. — Спираль не имеет конца. Здесь мы выбираем путь. Здесь даем обеты. И здесь же получаем наказание за недобросовестное повествование своей судьбы.

Он сделал паузу, оглядываясь.

— Много лет назад большой клан магов-отшельников охранял это место. О нем никто не знал. Сейчас, правда, знают немногие. По эту сторону света.

«Мои предки… — думал Бородач, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Могущественный клан. И я один из них. Но человек ли я на самом деле?»

***

В этот момент он поднял глаза и увидел, как к вершине спирали начал стягиваться сумрак. Стало жутко. Сверху, словно рой насекомых, слетались темные, черные тучи. Но это были не тучи. Это были сгустки тьмы, живые и голодные. Они нападали на спираль, впиваясь в её сияющие витки, высасывая энергию.

Земля под ногами задрожала. Трещины поползли по траве, сопровождаясь диким свистом и скрипом, будто сама реальность стонала от боли. Деревья пригнулись к земле, прячась от надвигающегося ужаса. Всё живое замерло.

— Что ты встал?! — голос Почтальона пробился сквозь вихрь, глухой и далекий. — Идем же!

Но Бородач не мог сдвинуться с места. Парализующий страх сковал мышцы. И тут он почувствовал жесткий хват сухой руки на своем запястье.

Рывок.

Пелена оцепенения спала. Нужно было бежать. Срочно укрыться. Иначе от них не останется ничего, кроме пыли и терзающего желания узнать продолжение этой истории.

Глава девятая. Хранитель

Им не удалось уйти далеко, да и убежать от этого безумия было невозможно. Прислонившись спинами к огромному дереву, росшему неподалеку, они затихли. И произошло чудо: дерево будто обняло их, сделало частью себя. Мысли, чувства и их тела тут же слились с его корой, став невидимыми для окружающего мира. Кора стала их родной кожей, панцирем, доспехами, защитившими от того, с чем Бородач еще никогда раньше не встречался: от чего-то первобытно страшного, от чего немели ноги и замирало сердце.

Позади, поглощая свет, расползался мрак.

— Что дальше? — вдруг крикнул Бородач, нарушив тишину.

Почтальон, словно немой истукан, смотрел на него, не мигая. Он будто ждал чего-то важного, того, что должно было изменить ход событий. Но чего именно?

И вдруг Бородач почувствовал, как его борода ожила, начав излучать тонкий теплый свет. Толком не понимая, что происходит, он резко дернулся и чуть не выскользнул из укрытия, оказавшись в поле зрения окружающего мрака. Ощущение, что им управляет неведомая сила, пронзало его насквозь, а борода тем временем сияла всё ярче. Она начала закручиваться по часовой стрелке, и в голове понеслись картинки из прошлого.

Детство. Красивейшая долина среди гор. Слышен крик новорожденного, впервые увидевшего мир. Открыв глаза, малыш почувствовал теплые объятия. Первым, кого он увидел, был взрослый, мужественный мужчина со строгим, но добрым взглядом. И с бородой, закрученной в спираль, — точь-в-точь как теперь у него самого.

Мужчина улыбается и передает ребенка женщине.

«Тепло… Я чувствую биение сердца и запах… Он такой родной, он будоражит мой разум и душу», — эти чувства вспыхивали в душе Бородача, отражая память предка.

Картина сменилась. Теперь перед ним был мальчик лет трех. Он бегает по двору и звонко кричит. Вокруг всё невероятно красиво, много людей, и у каждого мужчины — такая же седая, белая, закрученная спиралью борода.

«Что это за видение? Деревня или небольшой город? Оно кажется нереальным, существующим одновременно и здесь, и за гранью видимого», — думал он.

Бородач явно ощущал смещение пространства. Энергии вокруг менялись так стремительно, что он не успевал следить за образами, всплывающими из глубин подсознания.

В центре этого необычного поселения из земли росла спираль невероятной красоты. Она оплетала высокую каменную башню, ошеломляя своим масштабом и той колоссальной силой, которую несла в себе. Бородач чувствовал с ней глубокую связь. Он был еще ребенком, но уже знал: спираль выбрала его.

Вдруг всё вокруг потемнело. Крики боли, искренней, раздирающей боли, страх и ужас закрутились вихрем, создавая энергию разрушения, и мальчик потерялся в этом хаосе. Когда он снова открыл глаза, то оказался в совершенно другом, невиданном месте.

«Меня окружали женщины. Они смотрели на меня, спорили, кричали, но при этом странно улыбались, будто видели во мне ключ, способный открыть волшебную дверь».

В этот миг видение оборвалось. Бородач очнулся. Вокруг всё еще царила тьма и разрушение. Он вернулся в реальность, от которой хотелось бы отвернуться. Рядом не было никого, кроме дерева и черной тени Почтальона, сидящего неподалеку.

Его борода всё еще светилась, и вдруг неожиданно начала расти. Прямо на глазах. Вместе с длиной росла и внутренняя сила. Бородач почувствовал, что становится сильнее, что в нем пробуждается мощь, способная изменить происходящее. В тот момент он встал, отделяясь от ствола, который так тщательно скрывал его.

Из тени донесся тихий голос Почтальона. Он говорил сам с собой, или, возможно, обращался к ветру:

«Наконец-то он нашел себя,
Ведь больше нет возможности скрываться.
Здесь страх и ненависть сильней день ото дня,
Своим нутром нам стали улыбаться.
Так долго я искал его во тьме,
Не зная, где сведут нас те дороги.
Когда рассвет займется в вышине,
И остановит время на пороге.
И вот я здесь. Смотрю, как вновь и вновь
Рождается внутри него та сила,
Которая несет в наш мир любовь.
Ах, сколько лет и где тебя носило?..»

***

Так думал Почтальон, сидя в тени огромного дерева и наблюдая за преображением героя.

А в этот момент из растерянного мальчика рождался воин, мудрец. Тот, кто встал на сторону света не ради славы или богатства, а потому что истина в душе и любовь к миру оказались сильнее страха. Его кровь, кровь древнего рода, подняла его на ноги и повела на борьбу с тьмой, которая годами стирала города с лица земли, съедала людей и переворачивала вверх дном всё на своем пути. И вот, наконец, всё остановилось. Сейчас, когда две энергии слились в один поток, тот, кого она когда-то выбрала, пробудился и встал на защиту этого мира.

Бородач шел вперед. Светящаяся борода тянула его, будто указывая путь и раздвигая мрак, творивший свою историю вокруг него.

Он шел по узкому коридору, нетронутый силами зла. Кто помогал ему в тот момент — духи места или силы предков — было неизвестно. Но было ясно одно: он дойдет. Столкновение двух миров было неизбежно, и он, как оружие, как проводник между силами света и тьмы, должен был внести свою лепту в разгорающуюся, еще не написанную, но такую важную историю будущего этой земли.

Мысли в голове старого Почтальона складывались в картину, которую он видел давно. Теперь она становилась былью.

***

Вдруг из Спирали, наполовину захваченной тьмой, в вихре черных демонов, терзавших её со всех сторон, к Бородачу потянулись тонкие нити света. По форме они напоминали свою прародительницу — саму Спираль. Они были подобны рукам, протянутым к нему с мольбой о помощи. Нити становились всё длиннее, касаясь его бледной кожи мерцающими кончиками.

Борода сама потянулась к ним. Нити обвились вокруг волосков, скручиваясь в единую цепь, становясь одним целым с ним. Бородач чувствовал, как становится больше, сильнее. В нем рождалась неистовая, неизведанная мощь.

Он пробудился окончательно. Вперед тянуло чувство чего-то родного, на что нельзя было не откликнуться. Душа понимала: борода ведет его домой. Ответом были не слова, а чувства. И только сейчас он удивился этому состоянию: он будто вернулся в себя прошлого… Или настоящего? Сам он уже запутался, кто он есть на самом деле.

Вокруг была мгла, но он стоял, не тронутый ею. Чувство, что он должен что-то сделать, помочь, не унималось внутри, хотя четкого понимания не приходило.

Мысль озарила его: тьма слаба передо мной. Ощущение целостности и силы было ослепительным. Он развел руки в стороны, отдаваясь энергии, которая обволакивала его со всех сторон.

Вокруг всё закружилось быстрее. Гул стал неистовым, невыносимым для обычного слуха.

— Кто ты?!

Голос раздался извне. Сильный, мощный, скрипящий, будто металл по металлу.

Бородачу на мгновение показалось, что это сон.

— Это мой мир! — рычало пространство. — Я раздавлю всех, кто мешает мне пить жизнь из этой земли!

Но у Бородача не было ни страха, ни желания отвечать. У него была задача важнее. Его тело поглощало нити света, сплетающиеся с его бородой. Он стоял, принимая эту силу в себя, пока не понял главного.

Свет большой Спирали погас. Она будто растворилась. Но чувство осталось: она нашла дом внутри него.

«Я — её Хранитель», — осознал Бородач.

В этот момент небо над ним сгустилось. Чернота окутала всё вокруг. Грудь сдавило, стало трудно дышать. В воздухе летали опаленные бабочки, всё стало серо-черного цвета. Бородач откашлялся. Он понял: его действие помешало Тьме. Помешало тому голосу, который задавал ему вопрос минутой ранее.

Не успел он опомниться, как невидимая сила подхватила его и начала рвать на части. Страх вернулся, острый и раздирающий. Чувств было слишком много, он еще не научился их контролировать.

Тело сжалось, будто попало в жернова. Голос прогремел снова, громкий и мерзкий:

— Ты в моей власти! Но я не могу достать до тебя сейчас. Время еще не пришло. Я слежу за тобой. Скоро ты узнаешь, кто с тобой говорит.

Слова звенели в голове. Давление извне было чудовищным. Мир погибал, или, может, погибал его разум, мечущийся в поисках выхода.

Серость и темнота накрыли пространство. В воздухе носилась черная пыль. Демоны, похожие на маленьких пауков, сновали вокруг, выискивая своих жертв в виде того живого, что еще было вокруг.

Отток жизненной энергии был мгновенным. Путь только начинался, и для борьбы со Страхом нужна была сила, которой у него пока не хватало. Бородач просто не мог выдержать то, к чему не был готов.

***

Он рухнул на землю, сотрясая её своим падением. И всё затихло.

Постепенно то место приняло обычный вид. Ничто не напоминало тех событий, которые произошли здесь.

Никаких следов битвы, никакой Спирали, никакого голоса.

Бородач открыл глаза, теряясь в пространстве. Где он? По какую сторону реальности? Вихрь прекратился. Рядом стояло то самое старое дерево, оно выглядело обычным, ничем не отличалось от остальных, потухших, серых созданий, мало похожих на настоящие деревья. Почтальона тоже не было.

Бородач откинулся на выгоревшую траву и снова закрыл глаза, чувствуя лишь пустоту и тишину.

Глава десятая. В гостях у Разума

Мимо неслись деревья. Осознание того, что его куда-то несут, пришло быстро. Но что происходит вокруг, Бородач не знал. События последних дней менялись стремительно: места, реальность, воспоминания, чувства. Ему уже нечему было удивляться. Он лежал неподвижно, размышляя холодно и логично:

«Если бы это была та Тьма, меня бы уже не было. А раз я жив, значит, тем, кто меня несет, я зачем-то нужен».

— Остановись, — послышался тонкий, встревоженный голос снизу. — Послушай, вечно прятаться не получится. Тьма чувствует его след.

— Ты всегда всего боишься, хватит ныть, — ответил другой голос, более уверенный и низкий. — Если бы не он, тот Черный давно бы всё разрушил. И мы бы с тобой сейчас не тащили эти носилки, а гнили бы под землей или горели в адском пламени.

— Не говори так! Я совсем не хочу туда, мне и здесь неплохо. Давай прибавим шагу.

Бородач слышал этот странный спор. Он лежал на конструкции из гибких ветвей, сплетенных особым образом. Под ним бежали существа. Маленькие, коренастые, с каменными лицами. Они двигались синхронно, словно единый механизм, а мерное покачивание носилок в такт тяжёлым шагам лишь усиливало ощущение, что его несут в неизвестность.

Когда герой закрыл глаза на выжженной поляне, из-под земли вышел Разум. Так звали старшего из клана этих странных существ. Они жили здесь тысячелетиями. Если один уходил, рождался другой. Они были хранителями земного покрова, под их опекой было плодородие, каждая травинка, выросшая на земле. У них была своя особенная магия. С ее помощью они возвращали к жизни выжженные поля и спасали землю от бурь. Их клану было дано жить вечно и только если этот мир исчезнет совсем, то и они исчезнут вместе с ним.

Их предводитель, Разум, обладал острым умом и мудростью предков. Он знал много тайн, даже тех, которые уже не помнит ни одно живое существо на земле. И уж он-то точно знал истинную причину появления бородатого чужака на поляне именно тогда, когда Тьма была готова поглотить последнюю Спираль Жизни.

И теперь они несли его. Спасали. Потому что знали, что в нем кроется ключ к балансу света и тьмы.

Бородач прикрыл глаза, слушая ритмичный топот маленьких ног. В этом полусне прошлое и настоящее сплелись в тугой узел. Он был в смятении. Столько событий обрушилось на него за последние дни, разум не успевал осмыслить их.

«Заглянуть бы за завесу тайны, — думал он, вглядываясь в темноту собственных век. — Узнать, чем всё закончится. Прямо сейчас».

Но будущее оставалось недоступным. Реальность же мелькала перед закрытыми глазами разноцветными пятнами: высокие, сизые ели перемешивались с яркими вспышками света, тем самым создавая эффект калейдоскопа, постоянно меняющего свои грани. Все проносилось мимо, унося с собой клочки страхов и надежд, оставляя лишь тихую, звенящую пустоту.

***

И вдруг движение прекратилось.

Недовольный шепот, сопровождавший их путь, оборвался. Повисла тишина, такая густая, что в ней можно было услышать собственное дыхание. И в этой тишине раздался знакомый, властный голос.

— Ну что встали? Заносите, — скомандовал он.

— Сам бы потаскал такую ношу, не перышко ведь, — пробурчал кто-то.

— Не бубни, подтяни штаны и шагай, — отрезал голос, который невозможно было спутать ни с каким другим.

Почтальон командовал, а маленькие существа суетились вокруг входа, который казался Бородачу вымышленным, словно нарисованным в воздухе. Это было самое необычное место, которое ему доводилось видеть за всё последнее время.

Бородач поймал себя на странной мысли: раньше он так характеризовал каждое новое место на своем пути. «Самое необычное». Но стоило привыкнуть, как чудо становилось обыденностью, уступая место новому удивлению. И сейчас он снова стоял на пороге чего-то непостижимого.

Его внесли внутрь, всё еще прикованного невидимыми путами к узким носилкам. Помещение, куда они попали, вряд ли можно было назвать обычной комнатой. Оно было сумрачным и… живым.

Да, да, всё здесь двигалось, причем хаотично, подчиняясь лишь своим внутренним законам. Каждый предмет жил своей жизнью. Стены тихо скрипели, словно дерево на ветру, хотя ветра не было, пол слегка пульсировал. И при этом, объединяясь, они создавали единую, цельную картину. В воздухе пахло влажной землей, корой и чем-то древним, похожим на запах старой библиотеки. А внешне это напоминало вид на Землю из космоса: если смотреть издалека, она кажется единым организмом, но стоит приблизиться — и видишь отдельные континенты, материки, острова, каждый со своим характером.

Над головой плыли облака. Только теперь они не были недосягаемо далеки. Казалось, стоит поднять руку — и можно дотронуться до них. Бородач почувствовал себя странно: ему казалось, что они с Почтальоном стали великанами, забредшими в дом гномов, где каждый сантиметр пространства наполнен магией.

— Не смотри по сторонам, — услышал Бородач голос над собой. — Очнулся? Я надеялся, это случится позже. Ну да ладно. Просто прикрой глаза!

— Но почему? — спросил Бородач, не в силах отвести взгляд от причудливой игры света и тени.

Его словно затягивало это пространство, сводя с ума. Он мог смотреть бесконечно на то, как меняются местами части этого необычного мира. Комната двигалась, словно сложный механизм, зовя его куда-то вглубь, в самый свой центр.

— Это ловушка для незваных гостей, — объяснил Почтальон. — Можно смотреть вечно и остаться здесь навсегда. На первый взгляд — обычная комната, но дальше неё не пройдет ни одно существо. Она привлекает внимание, затягивает… В этом и скрыта опасность. Тролли живут долго, они знают, как спасти свои шкуры даже от самых страшных врагов.

— Ладно, — проговорил Бородач, чувствуя легкое головокружение.

Его пронесли дальше, вглубь дома, и поставили носилки на пол. Бородач смог встать и оглядеться.

Комната была просторной, с высокими каменными сводами. Окна имели форму спиралей. Бородач замер.

«Спираль в лесу. Моя борода. Окна здесь. Всё связано в один клубок. Но куда он катится?»

В центре стоял массивный деревянный стол. Через окна падал тусклый свет, образуя на нем узор из пяти спиралей, похожий на цветок. Вокруг него собрались все тролли. Во главе стола стояли два больших кресла, будто предназначенных для важных гостей.

Главный тролль — Разум — обвел всех взглядом и жестом пригласил к столу.

Все сели. Рядом с Бородачем сел Почтальон.

— Послушай… — начал Бородач, желая прервать тишину.

— Нет, это ты сейчас послушай меня, — тихим, стальным голосом перебил его Почтальон. — Я искал тебя много лет. Поиск дался мне нелегко. Меня зовут Трус. Но если хочешь, зови меня так, как привык.

— Трус?! — удивился Бородач. — Интересное имя для такого… проводника.

— Это не просто имя. Это моя суть. Моя судьба, которую выбрала моя душа. И это то, что ты, слава богу, не унаследовал.

— Унаследовал? — Бородач почувствовал холодок. — Да может, и трусости мне бы не помешало? Тогда я не ввязался бы в это безумие.

— Нет, — грозно сказал Почтальон, и в его глазах вспыхнул огонь. — За трусостью прячется боль, какой ты еще не знаешь. И пусть тебе не доведется её примерить. Трусость — это не страх действия. Это страх потери.

Для Бородача стало ясно: этот странный посланник — часть его клана. Более того, мысль озарила его: «Он мой отец!»

Эта мысль ошеломила его. Бородач много раз представлял себе эту встречу, и никогда не думал, что она будет такой. А тут — суровый дух, называющий себя Трусом. В первую секунду мелькнула легкая тень разочарования, но она тут же сменилась глубоким пониманием. Бородач чувствовал, что Почтальон никогда не боялся за себя. Ему пришлось выбрать такой путь добровольно. И скорее, эту «трусость» можно было назвать высшей формой отваги. Ведь променять свою силу ради чего-то большего — задача не из легких.

Тишину нарушил Разум. Старший тролль встал и медленно заговорил. Голос его звучал спокойно и торжественно, подобно шелесту древних листьев.

— Здравствуй, мой мальчик. Мы ждали тебя так долго. Я всегда знал, что ты жив. Знал, что ты не мог просто исчезнуть, оставив мир без защиты. Ты единственный, кто способен найти баланс между тьмой и светом, страхом и свободой.

Запомни: страх нельзя уничтожить. Без страха нет движения вперед, ведь именно он толкает нас на глубокие внутренние изменения. А без этих изменений душа не растет, не учится и не стремится к высшей цели. Страх — это компас, указывающий на опасность, но также и на возможность стать сильнее.

Тролли дружно поддакнули ему, словно единый организм. Они смотрели на Бородача так, будто видели в нем отражение самих себя. Их коллективное сознание, обычно хаотичное и быстрое, здесь обрело четкую форму. Они напоминали нейроны гигантского мозга: одни беспрекословно подчинялись воле Разума, другие постоянно спорили, рождая новые идеи, а третьи казались растерянными, будто искали свое место в этой сложной системе. Но вместе они составляли единое целое.

— И вот мы воссоединились, — Разум провел ладонью по столу.

Дерево отозвалось мягким теплом. Бородач затаил дыхание, чувствуя, как вибрация поднимается по позвоночнику.

— Это место создано во времена великого баланса, — продолжил тролль. — Мне не придётся много говорить, ведь прошлое уже живёт внутри тебя.

***

В ответ на его слова из древесных волокон стал проступать мягкий янтарный свет. В местах, где были круглые срезы сучьев, поднимался тонкий серебристый туман, закручиваясь в причудливые спирали.

В этом живом полотне из дыма и света начали рождаться образы. Сначала это были смутные тени, но постепенно они обретали четкость, превращаясь в яркие, до боли знакомые сцены прошлого. Казалось, будто стол стал зеркалом, отражающим не внешнее, а внутреннее, уже

пережитое. Картины всплывали одна за другой, словно мысли, которые долго прятались в глубине сознания.

Бородач затаил дыхание. Он увидел свой дом. Проныру, смеющегося на крыльце. Лиса, смотрящего мудрым взглядом. Уничтоженную деревню предков, погруженную в тишину веков. Себя маленького, окруженного спорящими женщинами… А затем — ту самую поляну, на которой, казалось, закончилась жизнь.

«Я посередине тьмы, смешанной со светом… — пронеслось в его голове, синхронно с образами. — Я впускаю в себя тонкие нити золотистой энергии. Спираль нашла во мне своё спасение».

Картины сменились. Тролли несут его безвольное тело. Дом. Этот самый зал. И вдруг — черный тоннель, уходящий в бесконечность.

Тролли замерли. Их каменные лица стали еще более неподвижными, будто они сами стали частью этого воспоминания.

— Хватит! — рявкнул Почтальон.

Стол погас. Картинки исчезли, оставив после себя лишь легкую дымку.

— Мы не за этим сюда пришли. У нас нет времени на просмотр прошлого. Или вы забыли о клятве?

Эхом слово «клятва» прокатилось по залу.

— Вы должны сделать из него воина, — продолжал Почтальон, повышая голос. — Мудрого. Сильного духом. Того, кто будет держать мир в балансе. Он должен найти место для своей Спирали, прежде чем встретится с Демоном.

Бородач побледнел.

— С кем я должен встретиться? — робко спросил он.

Ответом была тишина.

— Да, так и есть, — подтвердил Разум, и в его голосе зазвучало возмущение. — Мы действительно давали клятву древнему роду Хранителей. И мы исполняем её. А ты, Трус, мешаешь. Зачем ты вмешался и остановил то, что показывала карта судьбы, ведь там был путь, который должен помочь ему!

— Путь он увидит в действии, а не в иллюзиях, — отрезал Почтальон. — Хватит бесполезных зрелищ. Начинай настоящее дело. — Ты, главный! Командуй, не теряй времени!

Голос Почтальона почти гремел под сводами зала.

Разум вздохнул, и его каменное лицо смягчилось.

— Ты прав. Иногда я слишком много думаю.

Мы так долго ждали… что трудно поверить, что это случилось.

Каменное лицо старшего тролля смягчилось, морщины разгладились.

Он повернулся к Бородачу. — Ты человек, и ты дух. В тебе течет кровь Хранителей этой земли. Мы много веков ждали нового Хранителя. Твой отец сделал выбор, который мы не могли понять. Он скрыл тебя, чтобы сохранить последнюю искру света. Но только дурак мог думать, что тьма позволит этой искре погаснуть навсегда.

Старый тролль опустил глаза.

— Теперь это не важно. Я расскажу тебе всё по порядку. Это будет длинная история.

Глава одиннадцатая. Исповедь Труса

— Когда-то, много веков назад, — начал Разум, и голос его зазвучал глубоко, словно эхом отражаясь от каменных сводов, — на земле существовало всего три рода.

Род Мудрецов, Род Хранителей и Род Продолжателей. Каждый жил своей жизнью, но все они служили одной главной цели — поддержанию равновесия в мире.

Разум провёл пальцем по кольцу сучка на столе, оставляя тёплый след.

— Род Хранителей — это твой род, Бородач, — тролль посмотрел на него с теплотой. — Без вас на этой земле не было бы жизни. Ваша задача — хранить Спирали Жизни, те самые источники энергии, что питают мир. Все мужчины твоего рода носили бороды, скрученные в спирали. Через них вы соединялись с энергией жизни, становясь проводниками и защитниками. Если Хранитель умирал, умирала и Спираль, которую он берег. Поэтому ваша главная задача была не просто носить бороду, а оберегать эти хрупкие нити бытия, перенося их в безопасные места, когда грозила беда.

Разум сделал паузу, давая словам осесть.

— Род Мудрецов следил за балансом знаний. Они учили, направляли, но делали это тихо, незаметно, чтобы не нарушить естественный ход вещей. А Род Продолжателей отвечал за поток душ, за баланс жизни и смерти.

Так длилось тысячи лет. Гармония была абсолютной. Пока один из Продолжателей не возжелал большего.

— Ах, эта власть… — грустно вздохнул Разум. — Она всегда находит тех, кто слаб духом.

Так случилось и тогда.

Разум замолчал, глядя на узор из спиралей. Бородач слушал, затаив дыхание. История казалась сказкой, но в глазах старшего тролля он видел глубокую печаль.

— Того человека звали Раскол, — наконец произнёс Разум, отводя взгляд. — Он был вторым лицом в своем клане, преемником великого мага. Его род был могущественным, а сила — огромной. Но амбиции Раскола были сильнее разума.

В нашем мире намерение — это самая важная сила. Если оно ясно и чисто, человек способен преодолеть любые преграды и достичь цели. Но если намерение искажено жаждой власти, оно становится разрушительным огнём. Намерение Раскола было единоличным. Он хотел, чтобы всё вокруг преклонилось перед ним одним. Он не понимал, что сила трёх родов заключалась именно в их единстве. Только вместе они могли противостоять Тьме.

Когда пришло время принять силу предков, Раскол обратил её против своих же братьев. Он уничтожил свой род, стер с лица земли своих потомков, чтобы стать единственным носителем силы Продолжателей.

Но без баланса других кланов эта сила стала проклятием. Два остальных рода начали угасать. Спирали Жизни истончались, мир медленно умирал.

И тогда, когда баланс был нарушен и весы света и тьмы перевесили в сторону мрака, пробудился Страх.

Бородач вздрогнул. Он вспомнил тот ледяной, скрипучий голос на поляне.

— Страх — это не просто чувство, — тихо сказал Разум. — Это древний Демон. Сущность, которая питается хаосом, болью и неуверенностью. Именно он говорил с тобой на поляне. Именно он пытается поглотить этот мир. Раскол, уничтожив баланс, открыл врата для Страха. И Демон пришел. Раскол был не нужен ему, он сжег его изнутри, превратив в пыль, но мир уже был сломлен.

Тебя спасло лишь то, что ты ещё не знал страха. Твои чувства только пробуждаются, а внутренние качества не успели раскрыться настолько, чтобы ты мог осознать всю боль, которую несёт Демон. Твоя история помогла тебе выжить. Потеря, забвение, непонимание того, кто

ты есть на самом деле, — всё это стало твоей защитой. Отсутствие памяти и привязанностей даровало тебе иную силу. Силу свободы и выбора. И теперь именно ты решаешь, что возьмёшь себе, а что оставишь в прошлом.

Хотя нельзя исключать, что у Страха есть на тебя и другой план.

Разум замолчал. Тишина в зале стала звенящей.

— И тогда родился ты. При твоем рождении луч света проник в дом и озарил комнату, в которой мать держала на руках младенца. Мы, тролли, чувствуем рождение Преемников. Мы ждали. Каждый раз к нам стучались, чтобы спросить, тот ли ребенок родился в семье. Но твои родители не пришли. Твой отец… он струсил.

Почтальон, сидевший рядом, резко дернулся. Его лицо исказила боль.

— Я не струсил перед смертью, — хрипло произнес Трус. — Я струсил перед судьбой. Перед той долей, что была уготована тебе. Мать умоляла меня со слезами на глазах, и я не выдержал.

Он поднял на Бородача взгляд, полный тоски.

— Мы хотели для тебя обычной жизни, сын. Мы видели, что творится в мире. Мы видели, как Страх пожирает души. И мы решили спрятать тебя от этой войны. Я забрал твою Спираль. Вырвал её из потока судьбы и спрятал в месте, которое оберегал от Демона все эти годы. Я стал тенью. Я стал Почтальоном, что скользит между мирами, чтобы ни одна живая душа не нашла след, ведущий к тебе.

Бородач смотрел на отца широко раскрытыми глазами.

— А твоя мать… она наложила на тебя Заклятие Забвения, — продолжал Трус, и голос его дрогнул. — Не чтобы наказать. А чтобы защитить. Если бы ты помнил, кто ты, Страх нашёл бы тебя мгновенно. Незнание стало твоей бронёй. Мы хотели, чтобы ты жил, как обычный человек. Любил, смеялся, старел… Чтобы тебе не пришлось сражаться с Демоном, который уничтожит всё, что ты любишь.

— Но цена этой защиты — твоя внутренняя пустота — вмешался Разум, и в его голосе звучала сталь. — Ты чувствовал себя чужим всю жизнь. Потому что ты не был обычным человеком. Ты был Хранителем без Спирали. Воином без меча.

— Я знал, что поступаю неправильно, — перебил его Трус. — Мой род обязывал меня передать тебе силу. Обязывал подготовить тебя к битве. Но я посмотрел на тебя, такого маленького и беззащитного, и не смог. Я выбрал тебя, а не долг. Я стал предателем своего клана, чтобы остаться отцом.

Почтальон сжал кулаки, костяшки пальцев побелели.

— После заклятия мы унесли тебя в дом на окраине леса, к тётке. Сестре твоей матери. Её звали Тишина. Интересное имя, не правда ли? Она сдержала обещание и при первой же возможности сменила свою обитель. А когда мы вернулись в деревню… Страх уже кружил над ней.

Почтальон резко встрепенулся, судорожно сжимая края плаща.

— Я говорил ей! — шептал он. — Умолял не ходить. Но она рванулась к дому… Выйти оттуда она уже не смогла. Страх помутил её разум. Она, как и многие другие, сгорела в своём доме, не сумев найти выход из огня и ужаса.

Голос сорвался. Он замолчал, тяжело сглотнув, и только через мгновение выдавил:

— Я… я просто не смог её спасти.

Он отвёл взгляд, не в силах смотреть на сына.

— Я же решил больше не возвращаться туда. Я ведь тоже был преемником своего рода. Но я уже понимал: прежнюю жизнь не вернуть. Поэтому ушёл в лес, вернулся к хижине. Решил забрать тебя, но ни тебя, ни тётки уже не было. Я не знал, где искать, и с тех пор начались мои скитания.

— Мне пришлось долго готовиться, чтобы стать невидимым для Страха. Развивать в себе то, чего всегда не хватало. Сила воли не давалась мне легко, но потеря любимой и ребёнка переломили что-то внутри. Мир же вокруг стремительно темнел. Солнце больше не светило, Спирали гасли… Я понял: если не найду единственное, что от меня осталось, погибну не только я, погибнет всё живое.

Разум тяжело вздохнул, перехватывая нить рассказа:

— Твой отец прекрасно знал, что слова, прочитанные над твоей колыбелью, не имеют обратного хода. И ты никогда не вспомнишь своих отца и мать. С того момента твоя жизнь текла лишь наполовину. Родная тётка, но чужая. Окружение, которое казалось неправильным.

Трус опустил голову.

— Я знал, на что обрекаю тебя, — тихо продолжил он. — Но мы хотели сохранить тебе жизнь. Ведь если бы ты помнил своё предназначение, Страх нашёл бы тебя мгновенно. А так — ты выжил. Чтобы однажды стать тем, кем должен был стать.

Трус замолчал. Медленно положил ладони на колени.

— Но от судьбы не уйти, — глухо добавил он. — Ты сам выбрал свой путь. Стал изгоем, отшельником. Помимо детской потери, ты отрёкся и от всего, что нажил в юности. Ты отвернулся от самого себя, не понимая, что именно в тот момент начал свой путь возвращения к истинному «я».

Трус медленно выдохнул, словно стряхивая с себя тяжесть воспоминаний, и продолжил:

— Я долго наблюдал издалека, ждал, отговаривал себя… Пока ко мне не пришёл Разум.

Разум, сидевший напротив, тихо стукнул костяшками по столешнице. Эхо метнулось под своды.

— Тогда я понял: точка отсчёта пройдена, — продолжил Трус. — Тролли всегда отличались тем, что очень хотели жить, и их клан никогда не сдавался — иначе бы давно стёрся в пыль. Он посмотрел на меня и сказал:

— Ну что, может, хватит прятать его?

— Кого прятать? — делая вид, что не понимаю, ответил я.

— Нет, ты не идиот, — сказал он. — Ты просто ослаб умом. Жизнь всех нас висит на волоске. Вот-вот нас накроют крышкой и сварят заживо в огромном котле, а ты сидишь и смотришь на меня таким потерянным взглядом. Соберись! Твоему сопляку уже много лет, и он должен выполнить свою миссию. Время пришло!

Именно тогда я осознал: я обязан найти тебя. Единственного, кто сможет восстановить баланс. С тех пор прошло немало времени. Я обрек себя на вечные поиски. Стал Почтальоном, что приносит вести под покровом ночи. Днём я не могу выходить — мои глаза не выносят света. Я слишком много лет отдавал свою энергию твоей Спирали, питал её из последних сил, чтобы она не угасла в ожидании. Поэтому я никогда не снимаю этот плащ.

Трус поднял глаза на Бородача. В них стояла непрошенная влага.

— И вот я нашёл тебя. Я даже не представлял, как тяжело тебе будет заново обретать чувства, приоткрывать завесу памяти. Но не сомневайся: возможно, ты помнишь ещё не всё.

Дрожащими пальцами он поправил ворот потёртого плаща.

— Но ты знаешь свой путь. А всё, что произошло… было просто необходимо.

Глава двенадцатая. По ту сторону света

Бородач сидел и безучастно смотрел на дальний край стола. Вокруг что-то двигалось, вставали и садились тролли, слова смешивались со стуком посуды. История, которую поведал ему Почтальон, казалась чем-то чужим, рассказом о совершенно другом человеке. И всё же связь была видна невооружённым глазом. Он не мог поверить, что обычный, ничем не примечательный юноша, каким он себя считал, может быть магом. Голова пыталась переварить услышанное, и лишь то, что он видел своими глазами, — та Спираль, которую он каким-то образом поглотил, — давало понять: он не сумасшедший. Всё это происходит с ним. Сейчас.

Этот дом напоминал ему что-то очень родное, близкое, будто он уже когда-то сидел здесь, за этим столом. Бородач прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

И тут он вновь услышал голос. Тот самый, который то не давал покоя, то совсем затихал.

— Ты сильный. В твоих венах течёт кровь великих Хранителей. Ты — важная часть этого мира, — шептал он. — Совсем скоро сформируется новый уклад, и ты займёшь в нём своё место. По праву. По предназначению.

Ему даже на миг показалось, что он уснул. Настолько реальность казалась нереальной.

«Какой уклад? Какой новый мир? Как собрать всё это воедино и понять, в чём моя главная задача?» — этот вопрос мучал его.

В доме троллей воцарилась тишина. Ночь тихо накатывала на спящий лес. И тут, как уже не раз бывало, у него закружилась голова, и всё поплыло перед глазами…

…Ужин подошёл к концу, долгие разговоры стихли. Бородач тряхнул головой, встал и решил пройтись так, чтобы никто не заметил. Казалось, все заняты собой, но это была лишь иллюзия. В этом доме каждый знал, что произойдёт дальше. Каждый тролль выполнял свою часть. Они наблюдали за ним внимательно, боясь пропустить малейший шаг.

Тот момент, когда Почтальон помешал Разуму показать будущее, изменил ход событий. Теперь их задачей было лишь наблюдать и не дать герою свернуть с пути, о котором и сами тролли знали не всё. Они ждали, когда Бородач войдёт в тоннель поиска… по ту сторону света.

Бородач уже нашёл многое из того, что было необходимо для понимания этого мира. Но это было лишь начало. Главная задача оставалась где-то далеко впереди. Все эти существа — тролли, отец, странные голоса — были не просто случайными встречными. Их действия, их молчание, их предупреждения заставляли его думать, искать связи, собирать себя заново. Он должен был ещё многое пройти. Но прежде всего — научиться не просто видеть, а понимать. Ведь в этом и кроется сила мудреца. А что ждёт дальше? Впереди его уже ждал тёмный коридор…

***

Бородач тихонько прокрался к выходу. Оказавшись в живой прихожей, он старался не смотреть по сторонам. Уловки троллей его больше не интересовали. Он открыл дверь и выскочил наружу.

Небывалая тьма поразила его. Он ещё никогда не видел такой чёрной мглы. Он словно ослеп.

Всё вокруг потеряло очертания и блики. Он не видел буквально ничего. Бородач шарил руками в темноте, пытаясь найти дверь, из которой только что вышел, но её не было.

«Она исчезла. Или я отошёл слишком далеко, — подумал он. — Теперь я не могу её найти. Я просто ничего не вижу.»

Тут он почувствовал холодок внутри. Это было нечто новое: не страх, а острое, внимательное присутствие. Оно явно заставляло задуматься над происходящим. Бородач погру-

зился в мысли, ранее ему не свойственные. Душевные метания от этой немой черноты, чувство обмана, будто его специально заманили в ловушку, и ощущение безысходности угнетающе сковывали тело.

— Боже, что со мной… Словно меня съедают по частям.

Он был в панике от этих ощущений. Не найдя двери и не зная, как спастись, Бородач собрал всю свою волю в кулак и просто шагнул вперёд.

Сзади послышался тихий, едва уловимый свист.

«Что это?» — подумал он.

Это был не совсем свист. Он пронзал ухо не громкостью, а чем-то иным. Звук вонзался в голову, словно кто-то жадно впивался в неё острым жалом, — медленно, точно, как тонкая игла, рождая пронзительную боль. Сравнить его было не с чем.

— Ааа! — вскрикнул он. — Неужели мало душевных страданий? — с досадой проговорил Бородач.

— Шагай, — вдруг заговорил знакомый голос в голове. — Не стой как истукан или хочешь остаться без слуха?

— Как так?! — только мысль промелькнула, как он услышал ответ.

— Чем быстрее идёшь, тем незаметнее будет звук.

— Я не пойму, что это такое?

— Это скорость света. Она накатывает на тебя, когда ты останавливаешься. Ты никогда не должен стоять. В движении — твоя жизнь. Не бойся и не жди. Всё придёт только при постоянном движении. Шагай!

— Знал бы ещё, к чему идти…

— Так ты и идёшь. Разве не так? Не всегда прямо, — продолжал голос. — Смотри: ты нашёл себя, нашёл отца, нашёл эту шайку старых троллей, которым явно надоело топтать одни и те же тропы. Они хотят, чтобы их владения расширились, стали светлее. Чтобы жизнь пришла к ним. Новая.

Ты думал, что тебе никто не нужен, но это не так. Тебе нужны они. И ты нужен им. Посмотри, как они тебя ждали. Ты не вправе останавливаться. В тебе теперь живёт свет. Тебе нужно найти место для новой жизни твоей Спирали.

Но будь осторожнее. Те чувства, что ты сейчас испытал, — это козни Страха. Ты ещё слаб. Опасайся их.

Бородач остановился, задумавшись над словами голоса, но звук не дал ему долго стоять на месте.

— Шагай, шагай, — твердил он.

— Изучить себя и мир — одно. Но сделать что-то для мира — другое.

Он снова замер. Внезапно на него налетел сильный, неожиданный ветер, от которого он охнул. И в этот момент его борода засветилась и потянулась вперёд. Яркий свет ослепил его после глубокой темноты.

Бородач шагнул. Через мгновение он почувствовал прилив сил. Звук куда-то исчез. Тело наполнялось какой-то невидимой ему энергией, но очень ощутимой и мощной.

— Где я сейчас? — спросил Бородач у того, кто с ним говорил.

— Ты там, где твои корни, — отвечал голос. — Они питают тебя и благословляют на дорогу, которую ты должен пройти.

Круг света, в котором он стоял, освещал чёрную землю вокруг. В нём было ощущение безопасности, словно это не просто свет, а щит, предотвращающий любое вмешательство тёмной стороны.

— Это подарок предков. Защита от Страха. А теперь — вперёд. Это ещё не конец.

Бородач побежал. Воздуха не хватало, силы покидали его. Но в голове становилось чисто, как никогда раньше.

Ощущение статичности вокруг не отпускало. Казалось, этот угольно-чёрный тоннель никогда не закончится, и он обречён бежать в нём на веки.

Вдруг борода, всё ещё тянущая его вперёд, словно отдельный артефакт, начала метаться и чуть не свернула ему шею, но в конце концов замерла.

Бородач топтался на месте, как вдруг увидел, как через его тело стал пробиваться слабый белый свет. В этот момент он почувствовал нечто удивительное, необъяснимое. Если бы он попытался это описать, его приняли бы за сумасшедшего.

Руки, ноги, всё тело излучали свет. Он был словно светлячок, освещающий путь в ночи. Бородач осмотрелся и увидел над собой ветви какого-то старого, чёрного дерева. Он даже протянул руку, чтобы понять, явь ли это, но тут же всё исчезло, оставив лишь недоумение.

— Ну вот, наконец-то, нашёл! — снова вступил голос.

— Что нашёл? — спросил Бородач.

— Место, куда ты должен принести её и где начнётся её новая жизнь.

— Место? Но я его совсем не вижу, — бормотал он с досадой.

— Тебе не нужно его видеть глазами. Ты нашёл его душой. Почувствовал. Теперь ты отыщешь его с закрытыми глазами. Еще немало препятствий будет на твоем пути, но ты достигнешь цели. Шагай! — говорил голос.

Звук, пропадший на время его остановок, опять вернулся и не дал ему стоять на месте. Его не оставляло ощущение, что он прошел уже много миль.

Внезапно Бородача обдало потоком ледяного воздуха. Раздался громкий треск. Словно кто-то ворвался в его закрытое от внешнего мира пространство. Ему казалось, что кто-то наблюдает за ним издалека.

И тут он врезался во что-то деревянное. Начал ощупывать предмет и понял: это дверь. Та самая, которую он не мог найти.

«Как я к ней пришёл? Как вернулся?» — недоумевал он.

Дверь распахнулась, и его резко затащили внутрь.

— Ну что, прогулялся? — строго спросил Почтальон.

— Да! — ответил Бородач, с вызовом глядя на него.

— Мы тебя совсем потеряли, — из-за спины старика выглянул Разум.

— Нет, мы тебя обыскались! — прогремел голос Почтальона. — Что ты там видел?

— Темноту, — ответил Бородач. — Я всё время шёл, потом бежал… Потом был свет. Моя Спираль. Эти чувства… — проговорил он протяжно, ещё обдумывая случившееся.

— Ты был по ту сторону света, — ответил Почтальон, уже гораздо спокойнее. — Твоя Спираль искала своё место.

— Как это?

— Так работает особый, внутренний поиск. Когда потерял дорогу и не знаешь, куда идти, ты находишь нужное, отбросив мысли. Чувствуешь его. Вне времени и пространства.

Почтальон отступил к стене прихожей, тяжело опираясь о неё ладонью. Словно проверяя, вернулись ли они в реальный мир.

По ту сторону настоящего мы находим себя. Когда душа соприкасается с источником света, происходит волшебство.

— Маги-Хранители часто гуляли по ту сторону. Находили там силу, восстанавливали её. Когда Хранителю нужно перенести Спираль, он ищет ей место там, между мирами. Так могут не все. Ты можешь!

Почтальон замолчал, с трудом справляясь с нахлынувшими чувствами. Он выдохнул и продолжил:

— Когда место найдено, борода сияет особенно ярко, ослепляя мага, а он запоминает этот момент. И когда придёт время, ты с закрытыми глазами распознаешь его. Вспомнишь. Почувствуешь, где будет новая жизнь. Твоя жизнь.

— А ты? — спросил Бородач. — Ты тоже там был?

— Да. Когда-то я тоже был там. Но для меня это далёкое прошлое. Я больше не Хранитель. Не могу им быть. Я лишился этого права, когда скрыл тебя и сбежал, — тихо проговорил он.

***

Тут перед глазами опять все помутнело. Бородач почувствовал, как его дёрнули за руку. Облик Почтальона начал растворяться, собираясь совсем в иную картину.

Откинув голову назад, он увидел, что на столе лежало бездыханное тело одного из троллей. Бородач был сильно напуган: ужас сковывал и не давал пошевелиться. Это напоминало ему что-то, что уже когда-то происходило. Все вокруг было выжжено до тла, ни капли жизни, ни души. На это больно было смотреть, а тем более принять всю эту ужасающую картину. Было настолько сумрачно и пусто, что неосознанно хотелось тоже остаться здесь и больше уже никуда не идти.

Бородач смотрел сквозь полузакрытые глаза и был поглощен своими мыслями, когда почувствовал, что его дергают сбоку.

— Что ты сидишь? — шептал Почтальон. — Пора уходить. Я не думал, что Страх найдет это место, но видимо твоя ночная прогулка привлекла внимание ищущих.

Они выбежали из зала.

— Кого!? — переспросил Бородач, оборачиваясь. — Кто это такие? Где все тролли? Где Разум? Вы же только что…

— Не думай о них, они живы, — перебил Почтальон.

— Но там, на столе!

— Нет. Ты же помнишь: они бессмертны, пока жив мир. То, что ты видел — не тело. Это проекция. Мрачное эхо того, что случится, если Страх пустит корни в стенах этого дома. Он знал, куда ты пойдешь. Ты нашёл пристанище для Спирали, но, открывая дверь поиска, ты впустил туда и его.

Почтальон сделал шаг ближе, его голос упал до хриплого шёпота.

Бородач обернулся назад. Сквозь полузакрытые двери был виден стол, но он был пуст. Тело исчезло. После секундной паузы на душе стало немного легче, и он вновь взглянул на Почтальона.

— Ищущие… Это не просто тени или блуждающие духи тьмы. Это гончие Страха. Их единственная задача — мешать тем, кто хочет зародить новую жизнь. А сейчас они ищут тебя.

Он шагнул ближе, его плащ задел край скамьи.

Бородач замер.

— После встречи в лесу, когда ты посмотрел Страху в лицо, он вышел на твой след. Он не гонится за тобой, он всегда находится рядом. И все зависит от того, что ты чувствуешь. Ты думал, он пощадил тебя из прихоти? Или из-за того, что ты избранный? Нет. Он оставил тебя живым, потому что ты — единственный, кто может невидимо вести его к сердцу мира. Ты — дверь, Бородач. Пока ты не осознаёшь свою боль, он не сможет в неё войти. Он ждет. Но он уже внутри коридора. И теперь он ищет, куда пустить корни.

Почтальон резко дёрнул его за плечо.

— Шагай. И не оглядывайся. Впереди у тебя не просто поиск места. Впереди — гонка с тенью, которая учится дышать твоим воздухом. Здесь нельзя быть неосмотрительным. Ты избран, значит, за тобой будут охотиться. Моя задача была найти тебя, но более не вмешиваться, чтобы не изменить ход событий. Я и так уже натворил дел.

Твоя истинная дорога — открыть новый мир. Значит, тьма должна отступить за черту. Это не просто битва. Это битва за свет.

Бородач жадно впитывал каждое слово, пытаясь собрать воедино картину мира, который только начинал открываться ему. Он напоминал слепца, блуждающего во тьме и лишь начинающего различать очертания неведомого. А впереди ждал долгий путь к вершине. К созиданию. К рождению чего-то совершенного, чего-то нового и ещё невиданного никем прежде. Но прежде всего ему предстояло найти то самое место, которое помнила его душа. И сейчас это стало его единственной целью.

— Найди его, — просипел Почтальон низким голосом, а затем начал шептать слова, непонятные и древние, как те, что звучали при их первой встрече.

Воздух закружился, поднимая пыль и домашнюю утварь. Всё заволокло белой дымкой, а когда она рассеялась, стало очень тихо.

Бородач стоял не в волшебном доме троллей, а посреди круглой поляны. Лес вокруг затянуло туманом. Он был абсолютно один. Борода почти не светилась. Одиночество и потерянность навалились тяжестью, но нужно было идти. Оставался один вопрос: куда?

«Если мне некуда идти, — подумал он, — значит, любое направление подойдёт. Всё равно я не знаю, где искать место, которое помнит моя душа.»

Он ступил на тропу, по которой ещё не ходил никто.

Пройдя с полдюжины шагов, он увидел: между кустами промелькнула еле заметная, чуть протоптанная тропинка.

— Ладно, — выдохнул он. — Пойду по ней.

И двинулся вперёд, в туман, на встречу с неизвестностью.

Глава тринадцатая. От лукавого

Бородач блуждал по глухому, тёмному лесу уже не первый час. Тропа не имела конца и края. И лишь её существование давало слабую надежду: куда-то она всё же приведёт.

Было сыро и темно. Вокруг ни души, будто мир вымер. Странное чувство роилось внутри. Он шёл среди почти чёрного, заброшенного, местами облысевшего леса. Всё здесь напоминало о смерти, а не о жизни. По обе стороны стояли обугленные стволы с грубой корой, похожей на черепицу старых крыш. Торчали поросшие мхом пни, под ногами то хлюпало болото, то шуршала серая трава. Душа ныла, не было сил выносить эту тяжесть. Хотелось хоть как-то остановить то, что казалось уже необратимым.

Блуждая в этих думах, Бородач и не заметил, как лес стал реже. Деревья расступились, открывая небо — не светлое, но всё же видимое. В этом месте будто что-то было. Бородач ничего не видел, но точно чувствовал.

«Что это? — подумал он. — Я же ощущаю присутствие жизни. Разве так может быть? Я в очередной раз схожу с ума. Сколько уже раз за последнее время со мной происходили странные вещи… Пора бы привыкнуть.» С горькой усмешкой он отогнал налетевшие мысли.

Остановился, потряс головой, пытаясь вытряхнуть весь ненужный хлам.

«Может, лучше просто ни о чём не думать», — размышлял он, оглядываясь.

И тут в пустоту сознания, словно из глубин памяти, прозвучал шёпот:

Понятен будет лишь тогда
Земли посыл тебе священный,
Когда ты обретёшь года
И сможешь словом вызвать ценный
Совет для тех, кто ищет день,
Кому необходима помощь.
В исканьях этих старый пень
Тебя попробует встревожить.
Таков итог. И может, друг,
Тебе так сложно будет думать.
Ты не храни в себе испуг,
Ты открывай, что есть исполнить.
Тебе пройти на край земли
Необходимо, чтобы вместе
Все люди мира обрели
Давно потерянные вести.

Голова опустела. Мыслей не осталось. Тут вдалеке Бородач заметил препятствие. Оно медленно приближалось с каждым его шагом. Тропу прерывал ровно посередине старый пень. Он стоял неподвижно и источал тяжёлый, неприятный запах, над которым роем кружила стая мерзких мух.

Место явно звало его. Но зачем?

Бородач решил обойти пень стороной. Приближаться не хотелось, а омерзительный запах отталкивал ещё сильнее. Но внутри что-то не давало покоя. Хотелось понять: почему он здесь стоит? И главное — что в нём живёт? Он ясно чувствовал присутствие кого-то рядом.

Путь давался нелегко, путешествие выходило за рамки обычного. Но герои не выбирают лёгких дорог. Любой титул нужно заслужить. И Бородач пришёл сюда в это мгновение не для встречи с чем-то привычным. Скорее с потусторонним. С другим. Не с тем, кто движет силами

земли или решает судьбы за её пределами. А с тем, кто сильнее их обоих. С тем, кто имеет особый смысл. С компонентом, глубоко сидящим внутри, меняющим жизнь и влияющим на все пути.

— Окунись в меня, — вдруг услышал Бородач странный голос за спиной. Он резко обернулся. Никого. — Что это?

— Окунись! — опять раздалось сзади.

— Нет, сколько можно сходить с ума? Для чего мне это делать? — спросил Бородач в пустоту.

— Ты увидишь то, что тебя тревожит, и решение придёт к тебе само, — ответил голос.

— Решение чего? — Бородач мысленно усмехнулся. — Как мне всё это надоело. Последнее время вся моя жизнь — череда загадок, тайн и скопища сумасшедших существ, которые пытаются мной управлять.

— Я не существо, — раздражённо отозвалось сзади.

Бородачу казалось, что голос сидит у него на затылке, и он никогда не найдёт его источник. От этого чувства его пробивал ток.

— Я создаю твою реальность. Я и есть ты! — ухмыльнулся голос.

Легче от этого странного признания не стало. Изнутри пня что-то заурчало, забулькало, и наружу начал вырываться бордово-красный дым.

Он заполнял пространство с пугающей скоростью. Казалось, дым имел вес и неприятный осадок. Всё вокруг становилось жутким, покрывалось пылью красноватого оттенка. Ложась на траву, деревья, кусты, она создавала ощущение, будто мир плачет кровью. Бородач закашлялся, дышать стало тяжело. Ужас, которого он раньше не знал, начал пробирать изнутри.

— Тебе не нравится то, что ты видишь? — спросил голос.

— Нет, — ответил Бородач, откашливаясь. — Покажись мне. Я не боюсь тебя. Если я встретил тебя, значит, ты мне нужен. И ты сможешь помочь мне.

Бородач выпрямился и решительно стал ждать ответа.

Несмотря на то, что всё вокруг покрывалось этим налётом, Бородач оставался чистым. Его одежда, и без того потрёпанная после последних испытаний, не принимала на себя ни капли этой багровой пыли. От прежнего наряда мало что сохранилось, но выбора не было: тролли были слишком малы, и их вещи никак не могли ему подойти.

Тут из самого центра пня показалась круглая голова. Странная. Страшная.

Два огромных глаза и крошечный нос-пуговка совершенно не сочетались. Словно это был сборный образ, сшитый наспех из абсолютно разных, чужих кусков. Оно напоминало старую куклу, собранную из обрывков барахла, годами лежавшего на пыльном чердаке.

Вдруг голос на затылке ожил снова:

— Ну, здравствуй!

Существо шевелило ртом, но голос звучал сзади, за спиной. Бородача пробил холодный пот.

— Кто ты? — спросил он.

— Я, Кукловод!

— Кукловод… — переспросил Бородач.

— Да, так и есть. Я путаю карты, ищу выходы, направляю… Стоп, стоп! — существо затрясло руками, больше похожими на сухие палки. — Нет, я не управляю. Управляешь ты. А вот когда ты не слышишь себя, тогда я включаюсь в игру.

Он начал быстро тараторить, а Бородач тем временем почувствовал, как в голове воцаряется полный хаос.

Голос Кукловода напоминал ржавый скрип. Он был настолько нескладен, что слушать его было почти невыносимо. И тут демон продолжил. Слова летели скороговоркой, некоторые просто невозможно было уловить:

— Я хочу… не хочу! Можно сделать так, нет, нет, не так… вот так! А ещеее, — протягивал он. — Нет, что же к тебе опять на ум идёт эта никому не нужная мысль! Я-то точно знаю… или ещё не придумал. Эх, ладно…

— Стоп! — резко оборвал его Бородач. — Я понял. Ты уводишь от правильных мыслей, мешаешь сосредоточиться, вносишь смуту и заставляешь делать неверные шаги. Я понял, что ты путаешь и источаешь омерзительный запах, лишь потому что собираешь весь негатив, что накапливают люди. Ты управляешь сознанием, когда человек не в состоянии решать сам. И ты ведёшь каждого в его личный ад. Поганая у тебя задача, скажу я.

В этот миг Бородач осознал: в этой реальности он сталкивается не с внешним монстром, а с внутренними демонами. С теми, что без конца пытаются изменить его состояние. Это игра в перетягивание каната: то на сторону ясности, то в сторону хаоса.

— Ну, не такая уж и мерзкая у меня задача, — ответил Кукловод. — Это как посмотреть. Я облегчаю порой людям выбор, когда человек не хочет идти вперёд, когда сам неуверен в своих действиях.

— Нет! Ведь ты лишаешь людей воли. В данном случае ты пытаешься лишить воли меня самого!

— Да, ты прав. Но не совсем. Ведь любое решение — это твоё решение! — Он ухмыльнулся так мерзко, что сразу стало понятно, с кем имеет дело Бородач. — Всё внутри тебя. Ты живёшь, и каждый раз у тебя есть выбор. Если твоя воля сильна, и ты непоколебим, если чувствуешь свой путь, то он не оборвётся неудачей. Он продолжится, принимая во внимание ошибку. Но когда ты в растерянности, в непонимании, или, когда на тебя нападают лень и равнодушие, когда начинаешь искать оправдания своим поступкам… тогда появляюсь я. Я подкармливаю моих милых созданий. Ведь все они — мои детки, — с улыбкой рассказывал демон. — Благодаря им я живу.

Он сделал паузу, и его голос стал тише, но оттого ещё пронзительнее:

— Но без меня не будет чувства мощи. Не будет чувства победы над своей темнотой. Не будет доброго конца. Всё это рождает гармонию света и тьмы внутри любого существа в этом мире.

Бородач слушал и недоумевал. Все эти сказочные создания, что встречались ему, показывали ему его самого. Во всех красках рассказывали про чувства и эмоции, которые он проживал. Вот сейчас он точно знал: этот странный, нескладный демон говорит ему о том, что много раз происходило у него внутри. О том, как он терзал себя в моменты выбора. Как не понимал, как поступить, когда перед ним возникала развилка. В отношениях он никогда не был на коне. Всегда глубоко уходил в себя, скрывая боль и страх: а вдруг, если он заговорит или поделится, это принесёт только разрушение и ненужную привязанность.

Эти мысли впивались в голову и мучили всё сильнее. А дымка вокруг него была не чем иным, как чувством, которое съедало его изнутри после каждого неверно принятого решения. Он точно знал: так больше не хочет. Чтобы идти вперёд, необходимо стать свободным и независимым от любых материй, способных повлиять на него. Стать решительным. Ответственным за поступки и мысли, которые он создаёт.

«Что делать дальше?» — думал Бородач, глядя на сумасшедшего демона, который то и дело тряс своими костями и тараторил. Голова гудела. В ней не осталось своих мыслей, только неопределённость, которую внушал этот голос.

«Сомнения. Так, наверное, это называется. А этот Кукловод водит меня за нос, и я уже сам не пойму, чего хочу и куда шёл. Мне необходимо выбраться отсюда. Но я должен взять с него то, за чем пришёл.»

Бородач стоял, пытаясь освободиться от накала ненужных сомнений и страстей, разрывавших его изнутри. Вдруг голос в голове, который, как ему казалось, совсем о нём забыл,

снова ожил. Его озарила ясная мысль. Она появилась как чёткое знание, в нём было столько уверенности и смысла, что Бородач, не моргая, уставился на Кукловода и произнёс:

— Ты должен открыть мне тропу познания, которая обрывается именно здесь, на этой поляне.

Медленно и очень чётко он проговорил вслух то, что услышал внутри себя. И в этот момент в нём поднялось странное, но уже знакомое чувство. Борода ожила и начала закручиваться по спирали, рассеивая вокруг него тьму и бурый, кровавый осадок. Бородач не управлял ею. Она будто сама по себе делала свою работу, соединившись с глубоким чувством внутри, которое он пока не мог понять. Спираль убирала то, что мешало двигаться вперёд. Не на материальном уровне, а на уровне рассудка. В голове становилось чисто. Тяжёлые мысли рассеивались, освобождая место для нового.

Он всё ещё не двигался с места, когда Кукловод воскликнул:

— Ты же Хранитель! Ты избранный!

Откинув три грязных пряди со своего серого лба, демон изменился в лице. Стал поддакивать и подмигивать, как одержимый кролик, выставив вперёд два разных зуба. Видимо, это была его попытка улыбнуться.

— О духи, как я тебя заждался! Дальше-то мы пойдём вместе, — воодушевленно заговорил Кукловод.

— Вместе! — тут же отозвался Бородач.

— Да, конечно. Ты без меня пропадёшь, — ответил демон. — Не станет у тебя сил бороться, и я помогу тебе своими особыми способами. Ведь то место, которое ты ищешь, нужно не только тебе. Оно нужно всем. Абсолютно всем. И плохим, и хорошим. Всем необходима жизнь, которая заканчивается, если не найти место для её продолжения.

— Нет! — громко и резко ответил Бородач.

Он явно не хотел, чтобы с ним был этот странный демон. И он точно не хотел больше слышать его голос, который преследовал и не давал покоя.

— Только я почувствовал облегчение, как ты опять начнёшь меня мучать! Я выбираю свободу! Дай мне пройти! Уйди с дороги! — крикнул Бородач.

…Пройти, пройти, — отозвалось эхом.

Этот крик будто сотряс землю. Ещё ни разу его голос не обладал такой силой. Он почувствовал энергию, словно рядом кто-то ударил в огромный гонг. Звук прошёл сквозь всё тело, и большой горн усилил сказанное в сотни раз.

«Это не просто становиться собой, — подумал он вдруг. — Когда ты ещё не совсем знаешь, кто ты есть и какая заложена в тебе сила.»

В этот момент сильный порыв ветра всколыхнул всё вокруг.

Бородач стоял посреди густого тёмного леса на поляне из серо-бурой травы. Перед ним лежал трухлявый, гнилой пень. Трудно было бы поверить, что здесь происходит важное действо, а не чистое безумие. Но всё, о чём рассказывает эта история — быль, которую порой проще отнести к легенде.

Почувствовав силу, исходившую из уст Бородача, Кукловод весь сжался.

— Я почти превратился в пепел! Что ты со мной делаешь? Твоя сила велика, конечно, но побойся бога, ты меня убьёшь. А без меня жизнь не жизнь, — тихонечко лепетал демон.

Он казался страшным, но только до того момента, когда понял: на его силу есть другая. Сильнее и мощнее.

Как только Бородач сменил гнев на милость, он увидел: за пнем стала еле заметна тоненькая тропинка.

— Ну что же, теперь я могу идти, — сказал он вслух, так громко, будто боялся, что его не услышат.

— Значит, не хочешь меня с собой брать, — прошипел Кукловод.

— Не нужен ты мне. Я себя и так порой не пойму, а ты мне совсем вывернешь мозги наизнанку. Ты только помеха на моём пути. Уйди с дороги, прошу по-хорошему.

— Ладно. Ну что поделать с тобой… Видно, ты ещё не дорос мозгами, — пожал плечами Кукловод, когда Бородач проходил мимо.

Узкие глазёнки, которые он сощурил в тот момент, Бородач, конечно же, не увидел. Этот хитрец был совсем не простак. Он знал: как бы то ни было, Бородач не справится без него.

***

Уже не первый раз Кукловод провожал взглядом мимо себя этого человека. Смешно, да! Да, да, так и есть. Уже не первый раз приходил на это место Бородач. И всё время уходил один. Он блуждал по кругу уже не одну сотню раз, но ничего не менялось. А Кукловод всё пропускал его мимо себя и ждал, когда же поймёт глупец, что нельзя не иметь сомнений. Что с ними нужно уметь жить. И уметь управлять ими.

«Интересно, сколько ещё ему нужно, чтобы что-то изменить, — подумал демон. — Неужели это я что-то не так делаю? Что не так в этом чудаке!? Он как баран ходит здесь и ходит. Я так устал от этого круговорота. Почему же он не оборачивает всё в иную сторону?»

Бородач наступал на те же грабли уже не в первый раз. Он ходил кругами. Он не мог пройти этот этап, не мог принять то, что Кукловод и он сам — одно целое. Он опять отвергал себя. А ведь только в полной целостности можно было идти до конца.

«Ладно, — подумал Кукловод. — Как и много раз прежде. Подожду ещё.»

И тут вдруг — шаги издалека. Кукловод встрепенулся.

— Что ж, тогда давай попробуем иначе!

Глава четырнадцатая. Демон внутри

Что-то тяжёлое больно ударило в затылок. Бородач так и не понял, что произошло, когда уже лежал на холодной земле. Чувства застыли, память будто перевернулась, и перед ним возникла маленькая, чёрная, нескладная, но чем-то устрашающая кукла. Вокруг стоял невыносимый запах гниения. Его начало скручивать изнутри, да так, что казалось, в подарок этому демону он оставит всё своё нутро.

— Ну, здравствуй, Хранитель, — сказал демон. — Что это ты упал к моим ногам? Я, конечно, красавчик, но не настолько же, — умилялся Кукловод.

Как этот голос был знаком Бородачу. Каждое слово, словно удар резца по камню, выбивало из глубины сознания давно забытые письмена.

Он был уверен: точно не впервые слышит его. Поднять себя с земли было задачей не из лёгких, а демон всё продолжал глумиться.

«Что я слышу? Себя ли? — думал Бородач. — Почему всё происходит так, что я не ощущаю боли внешней, только внутри меня режет ножом? Голос смеётся, бранится, сводит с ума. Его уже практически невозможно переносить. Хочется поднять руки и раздавить этого таракана. Его немые губы ворочаются то вправо, то влево, а звук льётся из меня. Как такое может быть? Какую же власть имеет этот демон надо мной сейчас?»

Первое, чего хотелось, — встать. Но тело не слушалось. Бородачу потребовалось много сил, чтобы собрать себя и подняться на ноги. Он обернулся и увидел: позади лежит огромный сухой сук.

«Видимо, именно он послужил причиной моего падения», — подумал он.

— Подойди ко мне, — опять пронзил воздух мерзкий голос.

«Но я уже здесь. Куда идти? — эта мысль не давала покоя. — Что же со мной происходит? Я обессилен. Из меня будто высосали энергию. Ноги не держат, тело будто я не спал несколько суток. И мало верится, что всему виной сухой сук, непонятно откуда упавший на меня.»

И действительно, при первом взгляде казалось, что сук отвалился от дерева рядом. Но стоило присмотреться, как стало ясно: никакого дерева поблизости не было.

— Остановись, — прозвучало в голове. — Опомнись!

В голове Бородача боролись два голоса. Тот, что тянул вперёд, и тот, что хотел помешать. Эта борьба шла всегда. Но сейчас, осознавая, что именно с ним происходит, ему было тяжелее всего.

Тут внутри зажёгся огонь. Бородач чувствовал его, но он был слаб и совершенно не мог спасти хозяина от надвигающейся черноты.

Когда он открыл глаза, не понимая, где находится, то почувствовал: вокруг — ад. Будто его похоронили заживо. Запах затхлой, гниющей земли бил в нос. Вокруг было темно и сыро. И лишь вдалеке тускло мерцал светлячок.

Он встал, чувствуя себя разбитым, не понимая, какой сейчас день и час, и сколько пролежал в беспамятстве. Нужно было выбираться отсюда. Но хотелось узнать: как он сюда попал и что это за место.

Кукловод сидел на своём трухлявом пне, а вокруг кишели мухи да черви. У него был взгляд замученного старика, которому уже надоело бегать по кругу.

«По кругу, по кругу», — пронеслось вдруг в голове у Бородача.

— Ты! Я знаю тебя, — воскликнул он. — Кукловод! Ты всё это время водил меня за нос?! Ты заставлял меня возвращаться снова и снова?!

Бородач даже не понимал, как такие мысли приходили ему в голову. Они шли бегущей строкой, а он вслух произносил фразы.

«Каким-то бредом кажется всё, что я сейчас говорю», — думал он.

— Нет, нет, продолжай, — отвечал ему странный демон. — Может, наконец-то ты поймёшь, почему ты здесь.

И в голове у Бородача начали всплывать картинки: как он раз за разом приходил сюда, к этому пню, разговаривал с демоном. Но всё заканчивалось тем, что эту мерзость принять было невозможно. От неё можно было только отказаться.

— Я отказывался, — выговорил Бородач. — Рождая внутри себя свет своей Спирали и уходил. Но опять, снова и снова возвращался. Тратил свою силу и свет. И вот я здесь. Во тьме.

— Да, правильно, — произнёс Кукловод. — У тебя было столько попыток измениться. Принять себя таким, какой ты есть. Принять все свои дела, которые ты совершал. Но ты всё время отрекался. И поэтому теперь ты в аду, — улыбнулся тот. — Ну ладно, не совсем, конечно, в аду. Но это испытание сложнее прежних. Ведь света в тебе практически не осталось. Я-то думал, ты умнее. А тебя оказалось очень просто сделать слабым.

Бородач подошёл ближе. В эту секунду стёрлись все фантазии и иллюзии, что были в его голове. Он понял: этот чёрный, странный демон живёт в нём самом. Он управляет им, как марионеткой. И только внутренней силой можно вытащить его наружу и навсегда прекратить это.

— Что же, чего ты хочешь от меня? — вопрос прозвучал резко.

— Я уже всё получил, — ответ последовал незамедлительно.

— Нет, не всё, — твёрдо ответил Бородач. — У тебя пока нет самого главного, за чем ты меня сюда привёл. Ты хочешь оставить меня здесь. Тебе ведь нужно моё тело. Твоё-то сильно поизносилось за время моего долгого пути. А все остальные тебе не подходили. Тело Хранителя — в самый раз, — металлическим тоном выговорил Бородач.

— Откуда тебе знать? — прошипел Кукловод.

Бородачу, конечно, многое было в новинку. Но он не был слеп. И то, что этому маленькому демону нужна власть — такая же, как и Властелину Тьмы, — было ясно. Амбиций у него хоть отбавляй. Но Бородач знал и алчность этого злодея, и он продолжил:

— Ты же демон, не первый год живёшь. И знаешь: власть даёт только внутренняя сила. Моё тело — это малость. Я же могу дать тебе эту силу. Силу бесстрашия и решимости. Не говоря уже о моём даре. И тогда ты сможешь стать сильнее Страха.

Тут Кукловод, не ожидая такого откровенного разговора, замялся.

— Ничего ты не понял, ничего, — зашипел он. — Я совсем не собирался… ничего…

Демон вдруг с размаху, в прыжке накинулся на Бородача и опрокинул его на землю. От этой неожиданности Бородач опешил. На нём верхом сидел Кукловод, оседлав его, как коня. И несмотря на незначительные размеры, он был невероятно тяжёл. Бородача будто придавило огромным булыжником к земле.

Он даже не представлял, что сам может стать для себя такой обузой. И это воплощение ада лишь придавало ситуации ещё более тягостный характер. Внутренние трения и неприязнь настигали его каждый раз, когда он наступал на те же грабли. В глазах демона он видел своё отражение — всё того же растерянного человека, который не может выстроить свой внутренний путь.

«Как же это невыносимо, — подумал Бородач. — Я не имею права просто лежать и поддаваться этому сумасшествию.»

«Что же мне делать, — пронеслось в голове, — мне необходимо вытащить его из себя, а себя — из-под него. Как бы странно это ни звучало.»

Обретя спокойствие и сфокусировавшись, он начал быстро соображать: в чём же его сила? Пока его окончательно не засосало в эту вонючую жижу.

***

Я, Хранитель жизни на земле,
Я самый главный в этом поколении.
Себя убить не дам, поверь, тебе,
И не позволю впасть себе в уныние.
Свой чёрный облик вынесу на свет,
Который мне совсем теперь не нужен.
Смотри, чумной, тебя уж больше нет.
Внутри меня теперь ты безоружен!

Бородач произносил строчки, рождающиеся у него внутри. Тем самым он создавал невидимую силу, которая воскрешала его внутренний свет. Он и не думал, что просто словом и силой внутреннего чувства можно разрушить всё, что мешает в достижении цели.

Я воскрешу внутри себя пожар,
Который носит силу покаяния.
И он мне даст свой нанести удар,
И снять с себя по праву заклинание!

***

Всё вдруг снова начало меняться. Происходящее вокруг перестало существовать. Бородач опять оказался на поляне в лесу, под сводом огромных деревьев.

Посередине поляны стоял срубленный пень. Но больше не было ни багровой пыли, ни Кукловода, ни смердящего запаха. Всё изменилось. Он почувствовал: будто внутри что-то освободилось. Стало больше места, которое тут же заполнил мягкий свет растущей внутри него жизни. Спираль стала сильнее, мощнее. И он чувствовал: с каждым шагом в сторону её нового места ему становилось тяжелее её нести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.